

РАЗОРУЖЕНИЕ — ВЛАСТНОЕ ТРЕБОВАНИЕ СЕГОДНЯШНЕГО ДНЯ

Обращение к парламентам всех стран мира о разоружении, принятое Верховным Советом СССР, встретило широкий отклик мировой общественности.

Освободить народы от страха перед оружием массового уничтожения, ослабить международную напряженность — таково настоятельное и властное требование сегодняшнего дня. Советский Союз последовательно и настойчиво борется за осуществление этого. Еще десять лет назад — в 1946 году — по инициативе СССР Генеральная Ассамблея ООН единогласно приняла решение о всеобщем разоружении и запрете атомного оружия. И если до сих пор эта насущная проблема современности не разрешена, если до сих пор продолжают бесплодные дискуссии по вопросу о разоружении, то ответственность за это полностью несет западные державы.

Советский Союз вносит конструктивные предложения, которые могли бы послужить основой для согласованного решения о разоружении и запрете атомного и термоядерного оружия. Но западные державы под разными предлогами отказываются пойти на соглашение. Они выдвигают одно возражение за другим, отклоняют свои же собственные предложения, как только Советский Союз принимает их. Базалось бы, проводимые СССР в одностороннем порядке мероприятия по значительному сокращению своих вооруженных сил и вооружений должны сдвинуть дело с мертвой точки! Но и эта, одобренная миллионами людей инициатива не заставила западные державы до сих пор сократить свои вооруженные силы. Напротив, американские политические деятели продолжают рвать за увеличение военных ассигнований.

Советское правительство, поддерживая обращение японского парламента, предлагает без всяких отлагательств, еще до заключения соглашения о полном запрете атомного оружия, заключить между тремя державами — СССР, США и Англией — соглашение о немедленном прекращении испытаний и экспериментальных

взрывов атомного и термоядерного оружия. Можно ли сомневаться в том, что такое соглашение отвечает интересам и надеждам всего человечества?

Но и в этом вопросе влиятельные круги США заняли, судя по первым откликам печати, отрицательную позицию. Тревожащиеся люди в США понимают, сколь пагубна такая позиция. Американская буржуазная газета «Нью-Йорк пост» пишет в редакционной статье: «Во всем мире усиливается тревога в связи с увеличением уровня радиации. Разве это не проявление безответственности, если мы продолжаем испытания, признавая в то же время, что нам ничего не известно об их влиянии в будущем? Соединенные Штаты, как ведущая ядерная держава, должны отказаться от своей нерешительности и уступить правильному мнению человечества, приняв теперь же меры к запрещению дальнейших термоядерных испытаний путем международного соглашения». А газета «Вашингтон пост энд Таймс геральд» подчеркивает, что новое советское предложение ставит «Соединенные Штаты в неясное и невыгодное положение перед мировым общественным мнением... Чтобы выйти из этого трудного положения, требуется нечто большее, чем нерешительное заявление, что Соединенные Штаты обдумают вопрос о запрете испытаний лишь как часть общего соглашения о разоружении... Не предпринимая позитивных усилий, наша страна все больше игнорирует международную совесть...».

Многие американцы понимают, что существует реальная почва для решения неотложного вопроса о запрете испытаний атомного и термоядерного оружия. Тем не менее те круги США, от которых это зависит, занимают непримиримую позицию. Чем же интересы представляют они? Почему вопреки разуму и логике они продолжают стремиться к гонимым атомным вооружениям? Ответ на этот вопрос можно найти в материалах, основанных на данных самой американской печати, который мы публикуем ниже.

В гонке атомных вооружений заинтересованы лишь американские монополии

Американский журнал «Нейшн» писал недавно, что положение послевоенной экономики США походит на бран «американского капитала с мисс национальной обороной, чей добрый папаша в шляпе, усевший звездами, и полсотни броек обеспечивает все необходимое средствами из своего бездонного кармана».

Действительно, никогда за всю историю Соединенные Штаты не расходовали таких колоссальных средств на военные цели: 240 миллиардов долларов за пять лет! Все важнейшие отрасли американской экономики милитаризированы. Подготовке к войне, по существу, подчинена вся жизнь страны.

Первое место в военном производстве США занимает атомная промышленность. Насколько велика ее роль, можно судить хотя бы по тому, что капиталовложения в строительство атомных заводов равны сумме активов таких крупнейших компаний, как «Дженерал моторс», «Форд», «Крейслер» и «Юнайтед Стейт стил корпорейшн», вместе взятых (то есть 10—12 миллиардов долларов).

Предприятия по производству атомных и водородных бомб формально принадлежат правительству. Однако фактически наиболее влиятельные монополистические группы получили беспрепятственное право строительства и эксплуатации этих военных объектов. Морган, Дюпон, Рокфеллер, Меллон, Гарриман, — эти имена знакомы всем. Их тресты занимаются добычей урановой руды и производством атомных и водородных бомб, направляя огромные деньги на атомное бизнесе.

Финансовая группа Morgana через компанию «Дженерал элктрик» завладела большим заводом по производству атомного горючего для атомных и водородных бомб в Ханфорд и крупнейшим атомным центром в Сандиа. Она также руководит работами Нолльской атомной лаборатории. Химическая корпорация «Юнион карбайд энд карбон», связанная с объединением Рокфеллера и Меллона, эксплуатирует заводы в Окридж и Падьюке, производящие ядерное горючее для атомного оружия. Концерну «Дюпон де Немур» принадлежит крупный завод ядерного горючего на реке Саванне.

Атомный сверхкартел протянул свои щупальцы в большинство штатов страны. В погоне за атомным сырьем американские монополии установили контроль над разработками урановой руды в Латинской Америке, Канаде, Бельгийском Конго, они пытаются проникнуть в страны Азии и Среднего Востока.

Привилегированный контроль над американской промышленностью настолько призрачен, что даже член правительства — министр по атомной энергии крупный банкир Льюис Страусс, близкий к финансовой группе Рокфеллера, как-то в порыве откровенности признал: «Все атомное производство управляется сегодня американскими промышленниками. Урановая руда добывается частными предприятиями, очищается частными предприятиями, и все звенья работы в этой области промышленности находятся в руках предпринимателей».

Атомная промышленность приносит монополиям огромные прибыли. Хотя американская печать предвзято не публикует сведений о доходах от атомного производства, тем не менее о них можно судить по общим данным мировой экономики, принимая во внимание атомное бизнесе. Так, прибыли концерна «Дюпон де Немур» в 1946 году составили 112,6 миллиона долларов, в 1953 году — 236,6 миллиона, а уже в первой половине 1955 года они превысили 186 миллионов долларов. Прибыли компании «Дженерал элктрик» в 1946 году равнялись 43,7 миллиона, в 1953 году — 165,7 миллиона, а только за первую половину 1955 года компания получила дохода 102 миллиона долларов.

А каково положение в США с использованием атомной энергии в мирных целях? Здесь дело обстоит по-иному. Средства, расходующиеся на мирное использование атомной энергии, составляют ничтожные, буквально тысячные доли тех сумм, которые ассигнуются на создание атомного оружия. Журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд ворлд рипорт» признает, что по сравнению с Англией и другими европейскими странами «США отстают в использовании атомной энергии в мирных целях».

Милитаристские карты, среди которых главенствующую роль играет атомный сверхтрест, оказывают серьезнейшее влияние на формирование внутренней и внешней политики США. «Брак американского капитала с мисс национальной обороной», а попросту говоря, гонка вооружений, дорого обходится американскому народу. В США все громче раздаются тревожные голоса, призывающие расторгнуть этот аморальный брак. Вот одно из читательских писем, опубликованное крупной американской газетой «Чикаго сан энд Таймс»:

«Американская политика 1945 года определялась, к сожалению, наличием атомного оружия. В связи с этой политикой существовало довольно распространенное мнение, что мы были бы оправданы, развязав разрушительную для мира атомную войну, если бы мы сочли необходимым помешать успехам коммунизма. Это в высшей степени безразличное самонадеянное. Оно говорит об ужасном отсутствии веры в те самые идеалы, которые, по нашему утверждению, мы защищаем. Мы забыли, что существуют другие пути сохранения нашей безопасности и увеличения нашей мощи в интересах мира. Американскому народу пора предпринять какие-то действия, чтобы предотвратить паралич политики, вызванный ядерным, а не владеем атомным оружием. Что, если прекратить испытания атомного оружия хотя бы на такой короткий срок, как один год? Это небольшой шаг, но он может повлечь за собой другие».

Эта мысль повторяется во многих читательских письмах на страницах американских газет и журналов.

С требованием запрета испытания атомного оружия выступают крупные общественные, рабочие, научные организации страны. Национальная федерация ученых недавно призвала правительство США открыто заявить о поддержке международного запрета испытаний ядерного оружия «как предварительного шага к полному и всеобщему обязательному разоружению». В журнале «Воллентун ученых-атомников» опубликованы статьи полковника запаса военно-воздушных сил Ричарда Лехгорна и старшего физика Арнольда национальной лаборатории Дэвида Инглиша. Авторы статей считают, что испытания атомного и водородного оружия должны быть прекращены. Редактор журнала в специальной статье солидаризируется с мнением Лехгорна и Инглиша и указывает, что такой вывод ученых «представляет собой трезвую оценку действительности».

Испытания американских атомных и водородных бомб на Тихом океане вызвали резкое недовольство в странах Азии. Американский юрист Эмануэль Марголис в журнале «Ло Джорналь» и «Нейшн» приходит к выводу, что эксперименты на Тихом океане несовместимы с нормами международного права. Превращение сотен тысяч квадратных миль пространства Тихого океана в «запретную зону», пишет Марголис, «не имеет никаких оснований в международно-правовой практике или в договорах». Говоря о тяжелых последствиях взрывов атомных бомб для жителей Маршалловых островов, Марголис указывает, что подобные действия «едва ли примиримы с положениями Устава ООН и соглашением об опек».

Итак, интересы атомных монополий, стремящихся набить огромные прибыли на производство оружия массового уничтожения, находятся в вопиющем противоречии с волей честных американцев. Превращение людей, независимо от их взглядов и политических убеждений, поддерживают предложение Советского Союза о запрете атомных и водородных бомб.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР
№ 85 (3586) Четверг, 19 июля 1956 г. Цена 40 коп.

ПОСЛЕ ИНСТИТУТА

Откровенный разговор

Если такой разговор начался, не дай бог выгадать в этот момент блокнот. Себеидней или умоляет, или начнет повторять общезвестные истины.

— Не помню, как называлась эта кошка — бронзовой или черной, по которому поминали наши журналисты, побывавшие в Америке? — спросила в разгар нашей беседы инженер одного крупного металлургического завода, с неприязнью косясь на мою записную книжку.

Намек был ясен. Это значило: давайте мысленно поставим на стол такую статуэтку, изображающую кошку, — она служила в некоем американском клубе символом того, что разговор ведется не для записки, а я стану говорить откровенно.

Условие было принято, и записная книжка спрятана.

Инженер, седеющий человек с уставшим лицом, неожиданно по-молодому рассмеялся: — Вот вы и решили: этаким трюс! Готов откровенничать только один на один... Все, что говорилось затем (а разговор шел о молодых специалистах), мне пришлось позже услышать в тех или иных вариантах от многих людей — главных инженеров, директоров предприятий, начальников строек — и с неизменным предисловием: будем откровенны. И... один разразрешено, другие отечески мягко высказывали удивительно схожие взгляды на молодых инженеров. Смысл сводился к следующему.

Молодые чурчурать работать в цехе и стремятся перейти на «чистые должности» — в лаборатории и конструкторские отделы. Те из них, кто попадает в цех, никуда и не пытаются при первом же столкновении с трудностями. Плохо знают производство, но очень хорошо знают все законы, охраняющие права молодых специалистов.

Тот вот и говорит, не боясь подобным обобщением обидеть и тех, кто неповиновен в этих грехах.

— Черт возьми! — говорит иной опытный производственник. — Был я и молод, да разве такое приходилось выносить! Возьмите те же двадцатые-тридцатые годы. Мерали, голодали, в рваных штанах ходили, а работали, как звери, и, заметьте, работали и учились. Не ныли, была горячая страсть борьбы, энтузиазм. Мы не приходили на готовое. Вынесли на своих плечах все, а потом давай наперебой славоисловить: ах, наша молодежь! Одними панегриками кормили, заблаговременно. Вот и получается... Присутствующий как-то при этом разговоре молодой инженер, к моему удивлению, не вступил в спор, а только и заметил со снисходительной усмешкой: — Вспомнила бабушка девичий вечер!

Подтекст этой реплики раскрылся для меня позже, после встреч с молодежью нескольких предприятий Новосибирска.

Пожалуй, именно здесь, в Сибири, в этом неузнаваемо преобразованном крае, где, что ни завод, что ни шахта, почти все создано строителями пятилетки, где все свидетельствует о великом трудовом подвиге советского народа, особенно зримы деяния отцов. И, разумеется, несравними те трудности, что выпали на долю строителей Кузнецкого металлургического комбината, кубасинского шахт, заводов, с теми трудностями, которые испытывает новое пополнение строителей сибирских горноз.

Писатели, коренные сибиряки, на чьих глазах поднимался, рос, мужал край, с некоторой долей обиды замечают: — Не много ли твердят нашей молодежи о сибирских трудностях? Будто сама поездка в наш край есть подвиг. Полезней было бы больше и правдивее рассказывать о красоте, богатстве, будущем нашей стороны.

С этим трудно не согласиться. Но иные времена, иные условия. И нельзя, разумеется, как порой делают это специалисты — старожилы Сибири, механические сопоставлять «век нынешний и век минувший». Нельзя не замечать очень сложной обстановки, в которую попадает молодой специалист прямо со студенческой скамьи. И думается, как ни справедливы укоры «старожилов», адресовать эти укоры следует не столько самим выпускникам...

Молодые «старожилы»

— Вопрос о молодых специалистах интересует вас формально? — подчеркнуто строго спросил меня главный инженер завода «Тяжстанкогидропресс» Михаил Федорович Чиркин. И, предупредивший ответ, набросал примерную схему предстоящего интервью: — Сколько раз собирали молодых, какой процент учится в кружках, велика ли текучесть? Так?

Нет, это не было бравурным тем-то раздраженным человеком. С болью и горечью говорил он о тех юношах, что приходят на завод с подготовленным вопросом:

- Куда направите на работу?
- В... такой-то цех.
- Это меня не устраивает.
- Но именно здесь нужны сейчас специалисты.
- В таком случае прошу написать: за невозможностью использовать... Я запротестовала!
- Михаил Федорович! Ну не все же ведут такой вот делаческий разговор. Это исключение.
- Многие, — ответил главный. — А их не должно быть вовсе.
- Далее следовало все то же: стремление молодых уйти из цеха, отступление перед трудностями, воспоминания о прошлом.
- Правда, тут же было названо довольно много фамилий инженеров (глаза Чиркина вдруг потеплели), сумевших за год-два найти свое место в строю, крепко полюбивших свое дело, свой завод.
- Но речь не о них, — заключил Чиркин.
- Нет, именно о них и хочется говорить. О тех, кто не убивал от назначения, кто

В. ЕЛИСЕЕВА,
специальный корреспондент
литературной газеты

с горячим желанием ехал в незнаемый город за тысячи километров от родного дома, кто с волнением и трепетом переступил порог завода, видя перед собой свершение самого заветного. О них в первую очередь хочется говорить, взглянув на дело с другой стороны: почему все же так мало остается в цехах молодых специалистов, почему же тяготеют многие из них к конструкторскому отделу, лабораториям — и даже те, кто вначале охотно шел в цех. Отсутствие жизненной закалки? Только ли в этом дело? Не ведет ли к этому сама система обучения в техническом вузе?

Турбогенераторный завод... В Обращении ЦК КПСС и Совета Министров СССР, призывающем молодежь на стройки Востока, Севера и Донбасса, помнят и этот завод. И вот из разных концов страны полетели сюда десятки писем.

Есть в этих откликах горячая, молодая страсть к делу, желание приложить свои силы там, где труднее. А трудности рисуются порой живо, крупно. Строится же где-то в Сибири завод, крупом тайга. Забрывают запроса на стройку меди, как заглядывают любопытные пливни в поселок «Мирный». И даже разочаровываются, увидев на левом берегу Оби паровую огромного промышленного района, кварталы многоэтажных домов, трамвай, автобусы...

Трудности же возникают у молодых специалистов не там, где они их ждут. Завод удивительный. Он привлекает внимание не только своими масштабами, здания и они поражают. Удивляет другое. Молодость инженерно-технических кадров. Это подлинно молодежный завод. Весь — от главного инженера до всех иных командиров производства. Главный инженер завода Константин Федорович Потехин окончил Ленинградский институт в 1948 году. Приехал он на стройку турбогенераторного завода в 1951 году, когда только закладывался фундамент предприятия. Позже приезжали сюда молодые специалисты из Квева, Томска, Москвы, других городов. Два-три года стаж — это звучит здесь весомо. Старожил.

Вся тяжесть пуска первых цехов, освоения завода легла на плечи этих людей, тождом не знавших производства.

— Знаете, получается, как с неужемками плавать. Побагаются в воде, — глядящи и выплывают, — говорит Потехин. — Но, бывает, и тонут? — Не без того, — охотно соглашается он. — Особенно, если попадают сразу в цех. Заметьте, ведь между институтской аудиторией и заводом — дистанция огромного размера. Далека, ок, как далеки наши технические вузы от нужд производства. Убедительной иллюстрацией к этому горькому выводу служили рассказы молодых специалистов о первых шагах на производстве. Николай Школьников, исполняющий обязанности главного конструктора, старший инженер отдела главного конструктора И. Румянцев и А. Зайка, начальник электромашинной лаборатории В. Полисюк и другие — все они прошли нелегкий путь переобучения в процессе работы.

— За все годы учебы в Томском институте я не имел ни одной черточки, — вспоминает Школьников. — Приехал на завод. Столкнулся с практикой и, признаюсь, растерялся. Вдруг увидел, насколько хляби, формальны мои знания. Я, как и многие, прошел по гладкой дорожке: школа — институт — диплом инженера. Но, пожалуй, большая беда в том, что воспитателями моими в институте были люди, прошедшие тот же классический путь. Минуя производство, кочалли аспирантуру и становились преподавателями, так и не узнав своих теоретических знаний с практикой.

Институт и заводской цех

«Тяжстанкогидропресс» называют заводом заводов. Это очень точное определение. Он выпускает мощные гидравлические прессы, продольно-строгальные станки таких размеров, что для перевозки одного такого станка требуются 22 платформы! Сюда, на этот завод-гигант, охотно едет молодежь из многих институтов. Но и здесь разговор с инженерами шел в том же направлении: институт и заводской цех.

Юноши в замаскированных спецодеждах и помятых кепках — настоящие рабочие парни, веселые и энергичные, — всем своим видом убеждали, что они как раз те той славной плеяды молодых, о которых так сердечно говорил Чиркин.

Они тоже пришли на завод с твердым намерением работать в цехе мастерами. Представление о роли и обязанностях мастера складывалось еще в студенческой аудитории. Это представление и пленяло и немного пугало. Организатор, командир производства, чья мысль, энергия направляют усилия цеха, творчески обогащают его жизнь. Если к этому примешивались и образы, навеянные литературными произведениями, картина получалась захватывающая: после сравнительно легкого преодоления всех преград — борьба с директором-рутинером или бесконечно отсталым старым специалистом, — он, молодой инженер, переживает давно устаревший технологический процесс, добивается невероятных успехов, а вместе с ними, как заслуженная награда, — приходит почет, слава...

В жизни все оказалось иным. И прежде всего институтское представление о роли и обязанности мастера вступило в ярчайшее противоречие с действительностью.

— При наших порядках не голова нужна, а хороше ноги, — обронил один из

юношей на мой вопрос, почему он ушел из цеха в отдел расчета.

Некоторые теоретические знания оказались здесь лишними, и в то же время в самых элементарных вопросах организации производства, нормирования, работы с людьми молодой специалист проявляет поразительную неосведомленность. Помыкается он, помыкается в цехе и, кляня жизнь, институт, свою горькую судьбу, идет к главному инженеру и, косясь куда-то в угол кабинета и размазывая грязь на восточном абу, мрачно роняет:

— Переведите в конструкторский... Горше приходится тем, кто попадает на стройку. Здесь участки отделены друг от друга порой несколькими километрами, и молодому прорабу приходится действовать на свой страх и риск.

Секретарь партийной организации Новосибирской ГЭС Иван Васильевич Голубев рассказал мне о сцене, разыгравшейся недавно на его глазах. Молодого прораба окружила группа рабочих и ругательской ругали за неверно оформленные наряды. Не желая того, прораб оказался виновником резкого снижения зарплаты рабочих.

— Чему вы там учат в институтах! — гневно наступали на растерявшегося юношу раздосадованные строители.

— Лозунг про энтузиазм твердил, а норм не знаешь... И прибавлял такое, что секретарь вынужден был немедленно вмешаться в разгоравшийся конфликт.

Приходится сожалеть, что рядом с молодым прорабом не стояли эти мучительные для него минуты его институтские воспитатели, которым и следовало адресовать эти непечатные «рекламации».

Повинен ли, например, Георгий Шалнов — мастер по сборке прессов, только в минувшем году окончивший механический факультет Горьковского политехнического института, что довольно долгий период ушел у него на перечувствование, на освоение совершенно нового для него дела? В институте он изучал паровые и механические молоты, а на заводе «Тяжстанкогидропресс» столкнулся с гидравлическими прессами, о которых имел туманное представление.

Еще об одном расточительстве

Мне вспомнился красочный плакат на строительстве Новосибирской ГЭС. Он начинался кратко и выразительно: «Крупницу золота можно найти. Крупницу времени — никогда!». Он очень точно определяет напряженность темпов стройки. Здесь каждый человек на учете, каждого специалиста ждут с нетерпением. Их приезжает сюда немало. Но, увы, подавляющая часть, пока становится полноценными работниками, теряет далеко не крупницу времени.

С точки зрения государственной и с точки зрения судьбы молодых инженеров неразумно, расточительно превращать на долгие месяцы, а подчас, на годы заводы или строительный участок в школу для переподготовки выпускников технических вузов. А именно так происходит. Разумеется, производство всегда будет школой для выпускника. Но надо ли минимуму сокращать разрыв, существующий ныне между вузом и практикой?

И еще об одном расточительстве: о неправильном использовании специалистов. Не поддается никакому учету тот урон, который приносит подобная практика государственству. Велик и ущерб моральный, если говорить о внутреннем состоянии молодого инженера, попавшего, вопреки государственной целесообразности, своим творческим устремлениям, на работу, в которой не готовил его институт.

— Задержки распределения! — так полудушно, полусерьезно пояснил мне, почему, допустим, два молодых специалиста по турбогенераторостроению попали на «Тяжстанкогидропресс», а не на соседний завод, где так нужны они; в свою очередь, на Турбогенераторный заслали специалиста по обработке редких металлов, и юноша два года доказывал неразумность использования его на этом предприятии.

Вот особенно наглядный пример: техникум, дающий кадры для Турбогенераторного завода, выпускает специалистов по высоковольтной аппаратуре. Заводу они не нужны. И целые выпуски приходится перечувствывать на самом предприятии. Профиль же техникума был определен намерением строить здесь завод по высоковольтной аппаратуре. Намерение не было осуществлено, а профиль остался.

Об этом, как о грустном анекдоте, рассказывал мне Потехин.

Многие институты устраивают традиционные вечера встречи выпускников. Это хорошая, славная традиция. Но, к сожалению, такими вечерами, всегда приятными и немного парадными, ограничиваются связи вуза со своими питомцами.

Состоялся выпуск, на заводе, стройки разлетелось новое пополнение молодых специалистов. Как подготовили их институты, в чем просчиталась, что недомогало, по назначению ли работают они, — все это должно кровно интересоваться педагогический коллектив любого высшего учебного заведения и министерство.

Существуют рекламации на изделия. По ним завод судит, как встретил его продукция. Рекламаций на работу педагогического коллектива — будь то школа или вуз — не существует, а речь идет о самом важном, самом ценном — о воспитании и обучении нашей смены, нашего будущего.

Немыслима работа высшей школы без постоянной проверки своей работы практикой, без органической связи с производством. Формы и методы такой связи можно найти, если есть глубокая заинтересованность в судьбах молодых специалистов. Новосибирск

В Союзе писателей СССР

Двухтомное собрание советских очерков

В Союзе писателей СССР приступили к подготовке двухтомника лучших советских очерков. Это издание приурочивается к столетию Великого Октября. Очерки, собранные в двухтомнике, должны дать картину советской власти и кончая шестой пятiletкой. Составителями сборника утверждены писатели Б. Галин и Е. Дорош.

— Подобное издание, — рассказывает корреспонденту «Литературной газеты» В. Галин, — предпринимается у нас впервые. Недавно на широком собрании бюро московской секции очерка и научно-художественной литературы с активом мы обсудили принципы составления и план двухтомника. На этом собрании была избрана редакционная комиссия в составе Б. Агапова, Б. Галина, Е. Дороша, О. Берггольц, Л. Кудравытх, Е. Строговой и М. Шагиния.

Секретарем Союза писателей и бюро секции, придавая большое значение изданию двухтомника, обратились к писателям, очеркистам и видным журналистам страны с просьбой помочь отобрать для сборника наиболее достойные и уже забытые произведения документального жанра, появившиеся в двадцатых-тридцатых годах. Это — очерки, освещающие жизнь и деятельность революционной власти, гражданской войны, восстановительный период, коллективизацию и индустриализацию страны, науку, борьбу за мир, очерки на темы морали и коммунистического воспитания и т. д.

С выходом двухтомника советские читатели смогут вновь ознакомиться с талантливыми зарисовками героических будней нашего народа таких писателей, как М. Кольцов, Лариса Рейснер, А. Аграновский, А. Тодорский и многих других. В двухтомнике будут опубликованы фотодокументы, иллюстрирующие жизнь страны за годы советской власти.

Обсуждение альманаха «Советское Приморье»

На днях в Союзе писателей состоялось обсуждение альманаха «Советское Приморье» с участием писателей Приморья. С сообщением выступил редактор альманаха Ф. Чернова. Л. Левин, которому было поручено от Союза писателей сделать доклад об альманахе, подробно анализировал его содержание. По материалу, говорит он, альманах достаточно разнообразен, однако качество большинства произведений, опубликованных в трех последних номерах, низкое. Л. Левин резко критикует повесть Л. Колесникова «Тайна Темир-Теле», а также рассказ Л. Ломазова «Человек, ломающий камень», все образы которого не выходят из круга литературных ассоциаций. Докладчик высоко оценил рассказы Г. Халилецкого «Озеро Кизи» и О. Шерванского «Дорога через перевал».

Общий уровень стихов, представленных в этих трех номерах, продолжает Л. Левин, наводит на очень грустные размышления. Риторика, блящая через край в большинстве этих произведений, просит унять. К мнению Л. Левина о качестве произведений, опубликованных в №№ 18, 19, 20 альманаха, присоединился М. Львов, Д. Еремин, А. Турков, И. Ирошников, К. Мурадян, К. Иванова, П. Шабунин и Г. Марков. Все выступавшие отмечали, что редколлегия альманаха относится недостаточно требовательно к качеству публикуемых материалов.

Г. Халилецкий — ответственный секретарь бюро отделения Союза писателей — говорил о возможности роста краевого писательской организации за счет наиболее талантливого молодежи. Он ставил вопрос об изменении существующей ныне практики издания произведений местных писателей в центральных изданиях, при которой выпуск книги местного автора, например в издательстве «Советский писатель», рассматривается как переиздание. Если центральные издательства не в состоянии справиться с переизданием всего лучшего, что выходит в местных издательствах, надо предоставить право последнее выпускать эти произведения большим издателям. Г. Халилецкий ставит вопрос о том, что руководство литературой со стороны местных партийных органов не должно подменяться мелочной опекой. Он критикует руководство Союза писателей и «Литературную газету» за невнимание к жизни Приморской организации.

К мнению Г. Халилецкого по всем этим вопросам присоединились В. Кучерявенко и М. Самуилин. Выступивший в заключение секретарь правления Союза писателей СССР Г. Марков отметил, что писательская организация Владивостока — молодая, но интересная, растущая. Однако альманах не блещет новыми именами. Необходимо шире привлекать молодежь, активнее с ней работать. Что же касается критики в адрес руководства Союза писателей и «Литературной газеты», то она, безусловно, справедлива. Все это должно быть исправлено в дальнейшей работе.

Литературное наследство А. Тарасенкова

Комиссия по литературному наследству А. Тарасенкова готовится к печати избранные произведения писателя в двух томах. В это издание войдут наиболее значительные работы А. Тарасенкова, написанные им на протяжении тридцатилетней литературно-критической деятельности. Подготавливается также к изданию библиографический труд А. Тарасенкова «Русская поэзия XX века», представляющий собой наиболее полный свод библиографических сведений о поэтических книгах, выпущенных в XX веке на русском языке. Библиография охватывает 1900—1955 гг. Над ее составлением и научной обработкой автор трудился на протяжении четверти века. В течение двадцати пяти лет А. Тарасенков собирал русские поэтические издания XX века. Как утверждает специалист, это одна из наиболее полных библиографических коллекций по наследству отобразил к лицам, помогавшим писателю создавать библиотеку, с просьбой и в дальнейшем продолжать пополнять эту ценную книжную коллекцию.

Заседание президиума правления Союза писателей СССР

Сегодня открывается очередное заседание президиума правления Союза писателей СССР. В повестке дня президиума: обсуждение работы издательства «Советский писатель» с авторскими рукописями, утверждение окончательной редакции Устава Союза писателей СССР, организационные вопросы, прием в члены Союза писателей СССР.

АДРЕС НЕИЗВЕСТЕН

«Мы показали более семидесяти моделей. Надеюсь, что вы сможете выбрать себе из них наряд по вкусу», — так заканчивается новый короткометражный цветной фильм «Моды сезона», выпущенный Центральной студией документальных фильмов (режиссер И. Посельский, операторы А. Зенякин и В. Микоша, авторы текста Н. Голицына и Л. Ефремова). Очень радует сам факт выпуска фильма на такую небытовую тему, но приходится огорчить его авторов: оживления их не оправдываются. На лица зрителей, выходящих из кинотеатра, — явное недоумение:

— Вы что-нибудь выбрали себе? — обращается инженер Тамара Ольховская к соседке. — Я, например, нет. На примерах я не бываю. Новый год встречаю раз в году. В пробах гораздо больше время отпущено, да и то не всегда.

— Да, страничный фильм, — роняет молодой врач Майя Мутушева. — Такое впечатление, что у нас вся жизнь проходит на Кавказском побережье и в увеселительных прогулках.

Надо сказать, что слово «страничный» в отношении фильма «Моды сезона» — слишком мягкая оценка.

На экране — обложка очередного журнала мод, вывучат многообещающие слова диктора: «Сейчас будут показаны различные моды одежды, но не на немых страничных журналах». Зрители ждут — сейчас они увидят простую, красивую, недорогую одежду для работы, отдыха, театра, для улицы. Однако авторы фильма занялись, главным образом, рекламой той одежды, которая занимает в жизни советского человека не такое уж значительное место, — платья, предназначенные для курорта, нарядных туалетов, которые рекомендуются для приемов. Один из них — парчовый, отдаленный Юнион, — получил название «Юнион в Москве».

Спору нет, многие вещи красивы. Но разве не ясно, что «сфера применения» таких туалетов довольно ограничена. Да и сколько миллионов советских женщин, которые, может быть, и хотели бы приобрести вечерние платья, не в состоянии выкроить из своего бюджета несколько тысяч рублей на такой вот «Юнион в Москве» с кучей?

Наше понимание эстетики в области прикладного искусства предполагает обязательство и полезность, и целесообразность. К сожалению, модели, показанные зрителям фильма, в большинстве своем практически бесполезны и к тому же невероятно дороги. Это особенно очевидно, когда «Моды сезона» демонстрируются одновременно с «производственными» журналами мод, например, с киноочерком о работе завода по уплотнению графита, как в столичном кинотеатре «Новости дня».

На экране мы видим металлистов, строителей, замечательных новаторов. Все свое внимание эти люди сосредоточили на делах производства, и, может быть, поэтому они оказались одетыми кто во что горазд, преимущественно в серое и черное.

В фильме об одежде как раз и следовало показать, что на производстве можно и нужно одеваться иначе. Однако спрятать и режиссер забыли, что человек треть сток проводит на работе, и свести всю одежду к туристским и вечерним туалетам. Это тем более неверно, что мода, как известно, распространяется на все виды одежды.

Вся трудовая деятельность «героев фильма» заключается в том, что они либо сидят за рулем собственной машины, либо мчат ее из планта, демонстрируя «комбинезон для домашних работ». Нельзя же в самом деле считать производственной одеждой ветшевые брюки, куртку и шерстяной свитер, показанные на «молодом работнике», который прогуливается по курортному бульвару под палящими лучами солнца!

Фонм по всех случаях служит экзотическая природа Кавказа. И это делает показ многих моделей попросту нелепым. Например, в лыжных костюмах из дорогой шерсти женщины невольно прыгают по камням через горный ручеек. На ногах у них — открытые белые туфли на среднем каблуке, хотя за несколько кадров перед этим рекомендовалось правильно подбирать обувь к платью. Впрочем, может быть, авторы считают, что это важно только в отношении вечерних туалетов?

Или такой эпизод: велосипедистка в костюме из тонкого габадина. И хотя она не едет, а только медленно прогуживается с велосипедом, ясно видно, что стоит жара и женщина парится в шерстяной куртке с длинными рукавами.

— Может быть, сегодня такой костюм и выгладили несколько необычно, но мы надеемся, что он привьется, — восклицает диктор. Костюм действительно «необычен» — он стоит 1124 рубля, и утверждать, что он «привьется», могут только люди, бесконечно далекие от потребностей жизни.

Смотря фильм и ловя себя на мысли: где видел ты эти до приторности сладенькие картины праздной жизни, эти ультрамодные девицы, изымающие из бездн из трюфелей фильмов на темы великосветской жизни. Ну, разумеется, «Моды сезона» сделаны по образу и подобию той моды, которая была направлена на то, чтобы втиснуть во взятый напрокат карман убогие сцены якобы из нашей жизни. Зачем это! Ведь ничего, кроме раздражения, не вызывают мелкающие перед глазами кадры: и кокетливая пейзажа в декоративно-пыльном саду, и псевдотуристский, отвлеченно-штурмовские ручей, и салонные дамы в вечерних туалетах, подтягивающие к театру на блестящих «Измах».

Пропатганд красивой, удобной, недорогой одежды нужна. Наши женщины с интересом и пользой прочтут, например, в седьмом номере журнала «Работница» советы, как можно без затрат больших средств изящно и модно одеться. Нужны и фильмы о модах сезона, но при этом не следует забывать, что модным считается то, что нравится и удовлетворяет большинство людей. Значит, в фильме «Моды сезона» надо было показать модели настоящих спортивных костюмов — аэражных, дешевых, практичных, шитых из хлопчатобумажных тканей, например рета (тем более, что в самом фильме говорится, что такие ткани сейчас модны).

Посмотрев же демонстрируемый фильм, зритель так и не узнает, как надо одеваться, как выбирать ткань и фасон с учетом особенностей фигуры. Беда еще в том, что этот образцово-лабораторный фильм, как всякое произведение такого рода, создает превратное представление об интересах и вкусах советских людей, искусственно обаяна и сужая их.

При этом надо не секрет, что в легкой промышленности еще много трудностей и немало косности. Эта промышленность хотя и называется легкой, но на подкове довольно тяжелая. Да и привить людям вкус к новому не так-то просто. Поэтому к работе над фильмом о модной одежде нужно было привлечь опытных художников, искусствоведов. Они могли бы убедительно показать преимущества современного стиля одежды и тем самым способствовать развенчанию дурных, отставших вкусов. Этому мог бы помочь и интересный, остроумный текст.

Тогда инженер Ольховская и врач Мутушева не пожалели бы о времени, которое они потратили на просмотр фильма «Моды сезона».

И. ОКУНЕВ

ОБЗОР ПИСЕМ В РЕДАКЦИЮ

редакцию. С. Каплун и А. Балаян из гор. Черновцы утверждают: «Нужно глубоко и детально изучать (не читать, а изучать) тексты художественных произведений».

Литература в школе

Очень важный это вопрос: может ли молодой человек или девушка, закончившая среднюю школу, мыслить, вчитываясь в книгу? А ведь хорошая книга — это сама жизнь во всем ее многообразии. Именно литература может привить любовь ко всему высокому и благородному, может помочь найти правильный путь. Поэтому в школе надо изучать не только книги, как верного и хорошего спутника и друга на всю жизнь.

Так пишет в редакцию инженер Ю. Золотарев из гор. Киева. Подобные мысли мы найдем во многих читательских откликах на материалы, опубликованные в «Литературной газете». Во всех письмах (а их редакция получила несколько сотен) выражена одна главная мысль: вопросы преподавания литературы в школе — это вопросы нашей жизни, нашей работы, будущего нашего молодого поколения. Поэтому надо упорно искать пути улучшения этого большого и важного дела.

Об этом говорится в письмах ленинградца М. Тушинского, действительного члена Академии медицинских наук, и инвалда Отечественной войны А. Имангулова из Уфы, преподавателя техникума Ростова-на-Дону О. Рабина, студента Московского пединститута Г. Кузьменко и во многих других.

Соглашаются с этим и работники Академии педагогических наук РСФСР. В ответе на выступления газеты по вопросам преподавания литературы в школе, подписанным В. Голубовым, М. Вельевым, Г. Бочаровым, Е. Квятковским, П. Воробьевым, Н. Колоколцевым, Н. Кудряшковым, И. Молдавским, И. Прокофьевым, М. Пузырковой и М. Семезневой, мы читаем: «Выступления «Литературной газеты», направленные против шаблона, схематизма, вульгаризации в преподавании литературы в школе, безусловно своевременны и принципиально правильны. И в методической литературе, и в практике массовой школы сделано еще далеко не достаточно, чтобы обеспечить повсеместный и коренной перелом в улучшении литературного образования нашей молодежи». Но тут нельзя терять из виду и другую сторону дела, отмечают авторы статьи. У нас иногда забывают о специфике школы, об особенностях литературы как учебного предмета. И там, где звучит справедливое требование больше внимания уделять эстетическому анализу, не всегда бывает достаточно ясно сказано, что литература в школе — это учебный предмет, который должен дать школьнику строго очерченный круг знаний.

Сотрудники Академии педагогических наук РСФСР, подписавшие ответ «Литературной газете», справедливо замечают, что у нас мало литературоведческих и критических работ, помогающих учителю донести до учеников глубину и красоту классических произведений. (Этот счет критикам и литературоведам предъявляется и во многих письмах читателей.) Целиком можно согласиться с предложением обобщить и анализировать опыт работы лучших педагогов-словесников. Очень верно и такое положение: «Пришло время объединить силы писателей, литературоведов, методистов-учителей для серьезного улучшения школьного преподавания литературы».

Но все-таки пора переходить от общих пожеланий к более конкретной постановке вопроса. И попытки наметить какие-то реальные пути улучшения преподавания литературы мы находим во многих письмах.

Начата перестройка всего школьного дела в связи с политическими и учебными. Перестройка эта охватывает все стороны школьного образования. Разумеется, она затрагивает известные

образом и на преподавании литературы. Уже сейчас жизнь ставит перед педагогами-словесниками сложные проблемы. Не в одном письме, полученном редакцией, мы находим тревожный вопрос: «Как быть? Получается несоответствие между количеством часов, отводимых на литературу, и объемом материала, который школьники должны усвоить на уроках».

В некоторых письмах мы читаем такой простой ответ: увеличить число часов на литературу! Однако это предложение явно нереально. Нельзя увеличивать и без того огромную нагрузку школьников.

Возможен другой путь, более сложный, более трудоемкий, но в данных условиях — единственно возможный. Это путь коренной перестройки школьного курса литературы, пути улучшения и изменения методики преподавания.

Далеко не все разделы в существующем школьном курсе литературы могут дать школьникам глубокие знания и навыки самостоятельной работы. Некоторые темы сформулированы в слишком общей форме, другие охватывают очень большой, непосильный для ученика средней школы материал. Несмотря на неоднократные сокращения программы, ее многие разделы до сих пор перегружены. Как считают учителя И. Славина, И. Попова, И. Мекель, А. Семаков и Н. Григорьева, пишущие нам по поручению учителей литературы Октябрьского района Ленинграда, программу следовало сократить. Более целесообразно было бы изменить содержание программы и продумать ее в 8-м классе, — читаем мы в этом письме, — мало осмыслены, так как в 8-го класса перенесены три крупных произведения: «Капитанская дочка», «Мцыри», «Ревизор», которые раньше изучались в 7-м классе, и в 9-ю перешла тема «В. Г. Белинский». В 9-м классе объем программы по литературе чрезвычайно велик. Количество страниц текстовых изучаемых произведений составляет около четырех тысяч. Это влечет за собой только ухудшение качества работы учителя и перегрузку учащихся».

Но всегда составители программ и авторы учебников учитывали возрастные особенности учащихся.

Вполне соглашались с Н. Векнером, заучивавшим в Речице Ивановской учитель, который пишет: «Что кроме схем и шаблона может дать школьнику 8-го класса «изучение» темы «Общая характеристика литературы XVIII века»? Как может быть «раскрыта» тема «Литература первого периода русского освободительного движения»? Не правильнее было бы вовсе оставить эти вопросы специалистам-филологам? Учителями И. Гукова из гор. Ташкента, говоря о том, что «некоторые произведения учащихся просто не в состоянии понять в силу своих возрастных особенностей», ставит вопрос более решительно: «Может быть, есть смысл нарушить хронологическую последовательность в изучении литературы и сложные вопросы перенести в 10-й класс?». Эту же мысль мы встречаем и в некоторых других письмах. Но как справедливо замечает учитель И. Гольдштейн из гор. Харькова, тоже предлагающий отказаться от хронологической последовательности: «Коренное изменение курса — дело очень сложное и трудное, вопрос этот нуждается в детальной разработке и широком обсуждении его среди учителей и методистов».

И действительно, решать вопрос о хронологической последовательности в школьном курсе литературы пока, может быть, преждевременно. Главное внимание должно быть обращено на тщательную, глубокую работу с текстом изучаемых произведений. Веглый обзор больших периодов развития литературы, где мелькают даты, имена, названия, вряд ли оставит прочные знания в памяти учащихся.

Это говорят учителя, делившиеся своим положительным опытом в письмах в

редакцию. С. Каплун и А. Балаян из гор. Черновцы утверждают: «Нужно глубоко и детально изучать (не читать, а изучать) тексты художественных произведений».

Именно самостоятельная и с помощью учителя работа над текстом поможет школьникам освоиться со шаблоном и штампами в ответах и сочинениях, научит глубоко разбираться в литературе, привьет прочную любовь к ней, а это — самое главное.

Очень затрудняет работу учителя отсутствие полноценного учебника по важнейшему разделу курса — по советской литературе. Молодая учительница А. Горбань из пос. Комсомольского Куйбышевской области прислала в редакцию такое письмо: «Я училась в 10-м классе в 1948/49 учебном году. Тогда нам говорили, что учебник П. Тимофеева по советской литературе устарел, не соответствует программе и т. д. С тех пор прошло много лет. Я успела закончить университет, уже два года сама работаю в 10-х классах, а упомянутое пособие до сих пор не заменено полноценным учебником».

Такая медлительность в деле создания учебника по советской литературе для 10-го класса средней школы мало чем оправдана. Хотя современное состояние истории советской литературы еще не позволяет написать полноценный, со всех точек зрения отличный школьный учебник по литературе, но все же нужно попытаться с заменой существующих учебников более приемлемыми.

Много других разнообразных пожеланий высказывают в своих письмах наши читатели. В ряде писем настоятельно звучит одна мысль: «В преподавании литературы нужно больше доверять учителю. Его нужно освободить от бесконечной опеки в указаниях, инструкциях и т. д.», — пишет Н. Солонюхин (Москва). — Надо дать ему возможность быть творцом преподавания. Тогда наши школы будут в большей мере воспитывать мыслящих, инициативных, широко образованных людей».

По мнению многих читателей, надо всячески стремиться к тому, чтобы работа учителя носила по-настоящему творческий характер. Надо как можно шире привлекать педагогов к обсуждению важнейших вопросов преподавания литературы. Учитель школы надо составлять обязательно с участием преподавателей средней школы, — говорится в письме учителя П. Шалацкого из гор. Киева, — преподавателем должен принадлежать решающий голос при утверждении учебника». Только прислушавшись к голосу рядовых учителей, обобщая накопленный ими ценнейший опыт, можно по-новому повернуть преподавание литературы в школе.

В последнее время педагогическая общественность стала уделять больше внимания преподаванию литературы в школе. Литература — не только предмет изучения, но и средство эстетического воспитания; об этом много говорят на учительских конференциях, методических совещаниях, пишут в печати. Журнал «Литература в школе» начал шире представлять свои страницы обсуждению живой практики преподавания.

Однако многие коренные проблемы преподавания литературы в школе еще остаются нерешенными.

Прислал письмо в редакцию и преподаватель русской литературы Учительского института в гор. Брно (Чехословакия) Иван Шапел. Он соглашается с многими замечаниями, высказанными в материалах под рубрикой «Литература в школе», — по его мнению, сходные недостатки есть и в школах Чехословакия, — и считает, что «необходима коренная перестройка методов преподавания литературы».

Обсуждение вопросов преподавания литературы в школе еще, конечно, будет продолжаться на страницах специальных методических и педагогических изданий. Но главное сейчас — это осуществление тех верных и плодотворных мыслей и предложений, которые высказывают педагоги-практики, методисты, родители. А здесь уже все целиком зависит от Министерства просвещения РСФСР, Академии педагогических наук и органов народного образования.

Премия Неру

В Индии выходит общественно-политический еженедельник, издатель которого является крупный художник-карикатурист Шанкар Пилла. Журнал называется «Шанкарс Юнк». Искренне заинтересованый в судьбе подрастающего поколения, любит детей и стремится помочь выразить их художественные способности, Шанкар Пилла организовал в 1949 году конкурс на лучший детский рисунок. С 1950 года этот конкурс стал международным. Советские дети участвуют в нем с 1951 года. За это время ими получено 42 различные премии, в том числе первая — Золотая медаль президента. В 1951 году ее получила москвичка Марина Воскоянц.

Недавно редакция журнала объявила результаты конкурса на лучшие рисунки 1955 года. Дети пятидесяти семи стран прислали на конкурс 35 тысяч рисунков. Премью премьер-министра Индии Джавахарлала Неру, присуждаемую по каждой возрастной группе, получила ленинградец Игорь Иванов (дети 15—16 лет).

В эти дни в квартиру, где живет семья инженера А. Иванова, заходят с поздравлениями друзья и знакомые. Все они по-новому смотрят на небольшие, развешенные по стене картины младшего сына Ивановых — Игоря.

В этой небольшой семье никогда не было художников. Инженер Алексей Алексеевич Иванов больше четверти века работает на одном из машиностроительных предприятий. Техником на заводе была мать Игоря — Раиса Ивановна. Старший брат Игоря — Станислав перешел на третий курс электротехнического института.

Игорь в самом раннем детстве пристрастился к рисованию. Раиса Ивановна рассказывает:

— Когда однажды летом на детской площадке, которую досаждал Игорь, устроили выставку рисунков, один из ее устроителей, старый пенсионер, прямо-таки потребовал, чтобы я повела сына в художественную школу.

Так и сделали. В школе Игорю дали первые серьезные советы и указания. Он стал знаменитым и был принят в шестой общеобразовательный и второй специальный классы.

В этом году Игорь окончил школу и теперь собирается поступать в Институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина.

— Я счастлив, что заслужил высокую оценку в стране, где так высоко ценится искусство, — заметил Игорь. — Может быть, мне когда-нибудь удастся побывать в Индии и лично поблагодарить дорогих друзей.

Л. МЕЛЬКОВСКАЯ

На верхнем снимке: Игорь Иванов; внизу — репродукция его картины, за которую присуждена премия Неру.

Берегите памятники старины

Ефим ДОРОШ

мущине», по большей части нищие дум- и спесивые, равнодушно взирали на дивные творения лучших людей народа, либо, забывая о так называемом благословии, переставали дворцы и храмы — образно своим скудным понятием о красоте. Что же до трудящихся, то они, озабоченные тем, чтобы заработать хлеб насущный, едва ли думали о своих предках, оставшихся в камне, в дереве и в красках как бы слепых своей души, тем более, что эти сказочные произведения искусства, принадлежавшие в ту пору власти мущинам, были словно символом их власти.

Только свободный человек хранит память о труде предков.

Гордость и радость охватывают каждого, кто бывал в московском Кремле, любоваясь его дворцами и палатами, его великими соборами и красными башнями, что стремят высь свои строгие стены, увенчанные золотыми маковками и зелеными шатрами. С той же бережностью, как и в Москве, реставрируются древние храмы в Новгороде, кремлевский ансамбль в Ростове-Ярославском. Можно бы назвать и другие памятники национального зодчества и живописи, воссозданные в их первоначальном виде и охраняемые народной любовью и уважением. Чувства эти распространяются не только на давно умерших искусников, но и на тех наших современников — архитекторов, художников и рабочих, которые сумели сквозь познейшие напастования, вопреки разрушительному действию воплощенную в материале крылатую мечту мастера. Следовало бы со всей ответственностью написать о реставрированных памятниках древности, как и о работах самих реставраторов, но еще важнее, думается, безотлагательно сказать о том, что у каждого из нас вызывает тревогу и горец.

Я видел, как разрушаются башни Коломны, в каком небрежении находится

древности Переславля-Залесского, сколь запущен дивный Богородицкий монастырь, расположенный на пути из Ростова-Ярославского в Углич. И в Угличе, рассказывали мне, гибнут редкостные фрески и осыпаются древние камни тамошних памятников старины.

К этим моим сведениям прибавилось еще и то, о чем с хозяйской озабоченностью пишу в редакцию читателя «Литературной газеты».

Сотрудник Коломенского краеведческого музея А. Гужов подтверждает все то, что я видел провозом через Коломну, многими фактами.

«На Октябрьской улице, — пишет он, — разрушается не имеющая крыши Грановитая кремлевская башня, возведенная в 1525—1531 годах. Никем не охраняется и постепенно приходит в негодность пятиглавый Успенский собор в коломенском Кремле, построенный в 1672—1682 годах, — сломаны железные решетчатые двери центрального портала собора, уничтожены белокаменные плиты и цветная мозаика... Подвергается разрушению и другие здания старинного русского зодчества, которых немало в Коломне».

А. Гужов приводит и другие примеры преступного небрежения стариной и сообщает, что с 1951 года Коломну получает ежегодно по 100—200 тысяч рублей на реставрацию памятников. Отпускаются и необходимые строительные материалы. Однако средства эти используются плохо.

«Еще печальнее обстоит с памятниками старины в Нарве. Древний этот город особенно дорог нам тем, что здесь и под Псковом 23 февраля 1918 года в тяжелых боях с германскими империалистами родился Красная Армия. Случилось так, что Нарва пришлось стать ареной боев и в Великую Отечественную войну. Гитлеровцы почти до основания разрушили город. Казакоз бы, тем бережнее надо хранить оставшееся.

Начали разрушать стены бывшего Спасо-Преображенского собора — самого старого каменного здания в городе. Такая же участь грозит дворцу Петра Первого, зданию бывшей ратуши, «королевскому валу», построенному в XIV веке, и другим древним сооружениям. Председатель горисполкома дал разрешение контроле благоустройства разобрать эти памятники на щебенку».

Получив это исполненное тревоги письмо, «Литературная газета» обратилась в Министерство культуры Эстонской ССР с просьбой принять надлежащие меры. Однако можно ли считать, что в Нарве если берегут памятники старины, если инспектор по охране исторических и археологических памятников Э. Виит озабочен письмом, в котором содержится такое вот строки: «Инспекция информировала председателя исполкома гор. Нарвы о необходимости охраны памятников культуры». Безостановочно подтвержденное словечко характерно для многих официальных документов, которыми отключались различного рода инстанции на посланные им газетой письма трудящихся. Это вынуждает нас привести здесь содержание нескольких писем.

Забыв некоторыми своими земляками Д. Н. Мамин-Сибиряк, родившийся, как известно, в поселке Висиме нынешней Свердловской области. Авторитетные источники сообщают, что в доме, где жил писатель, сейчас находится музей. Однако, пишет Н. Касьянов, музея здесь нет, — два года назад в доме писателя была библиотека, а теперь помещается библиотека. Против последнего едва ли кто-нибудь стал бы возражать, но беда в том, что в библиотеке этой нет даже полного собрания сочинений Мамин-Сибиряка. Ничего не напоминает в этом доме о тех временах, когда в нем жил будущий знаменитый писатель, — нет ни принадлежавших ему вещей, ни плана располагавших комнат. Мемориальная доска, прибитая у входа, так обветшала, что прочесть ее нельзя. Ни около дома, ни во всем районе не найти басты писателя. Половина дома уже заколочена, потому что стены и потолок грозят обвалом.

Больно об этом писать, но и молчать нельзя. Варварски равнодушие к памяти своих выдающихся земляков и некоторые товарищи из Липецка. В Волыском районе Липецкой области существует деревня Лермонтово-Протопова, где в годы детства и будучи уже взрослым бывал в имени своего отца М. Ю. Лермонтов. До

недавнего времени здесь был фамильный парк, на одном из деревьев которого великий поэт вырезал свои инициалы — «М. Ю. Л.». Но в 1953 году, как сообщает в своем письме А. Баранов, браконьеры вырубил парк, разрушил ограду, охранявшую от поворждений мемориальное дерево, срубил само дерево и даже выкопал пенек.

А. Баранов пишет, что столь же печальная участь постигла и другие памятные места Липецкой области. Вырублен парк в бывшем селе Знаменском — ныне деревня Писарева Задонского района, — принадлежавшем семье знаменитого критика Д. И. Писарева. Фамильное кладбище и другие памятные места, связанные с жизнью Д. И. Писарева, находятся в запущенном. Обветшал все забытый дом Г. В. Паеханова в Липецке, постепенно вырубается парк в селе Удадьеве, где родился выдающийся деятель социалистического движения и пропагандист марксизма.

В Томске, на кладбище бывшего женского монастыря, похоронен был знаменитый русский путешественник, исследователь Монголии, Китая и Сибири Г. Н. Потанин, умерший в 1920 году. Когда кладбище упразднили, никто не позаботился о том, чтобы перенести прах Потанина. Дорогая многим советским людям могила спряталась с землей. Она исчезла бы совсем, но в Томск, после долгой отлучки, приехал геолог Д. Славин, который не найдя могилы Потанина, написал об этом в Академию наук. По счастливой случайности, сотрудник Томского краеведческого музея Н. Петров удалось установить место погребения знаменитого путешественника. Можно бы предположить, что усилия двух рядовых томичан послужат примером руководителям города и они, устыдившись, перенесут прах своего выдающегося земляка, установят на его могиле памятник. Увы, ничего подобного не случилось. Как сообщила редакция Д. Славина, могила Потанина осталась в том же заброшенном, и сейчас на этом месте собираются строить новый корпус Томского политехнического института.

Читатели встревожены и пишут и о многих других фактах. Из письма Н. Пономаренко, живущего в гор. Чкалове, стало известно, что в двенадцати километрах от районного центра Мордовской Булки разрушается дача С. Т. Аксакова. Ягнскский житель, журналист В. Дедусенко обеспокоен тем, в каком запущенном состоянии находятся похороненных в Яте драматурга С. А. Найденова, композитора В. С. Бали-

никова и украинского поэта С. В. Руданского. Москвич В. Тыман вместе с группой товарищей, полписав которых заняли погребные строения, требуют немедленно привести в порядок могилы И. А. Гончарова, А. Н. Апугина, Д. Н. Мамин-Сибиряка в ленинградской Александровской лавре, могилы Н. И. Новикова в Авдотье близ Москвы, Ф. И. Тютчева — в ленинградском Ново-Левчином монастыре. Письмо это, подписанное инженерами, архитекторами, художниками, педагогами, содержит в себе и горькие упреки, обращенные к писателям.

«Разве не вами допущен спос дома у Красных ворот, в котором родился Лермонтов? — пишут товарищи. — Разве не при вашем невнимательстве разрушается усадьба Гончаровых в Ирополье, связанная с памятью Пушкина? Разве не при вашем молчании продолжается попытка снести дом Грибоедова на бульваре Чайковского? А где находятся в Москве памятники Льву Толстому, Лермонтову, Чехову, Тургеневу, Радиншеву, Белинскому, Новикову, не говоря о петербуржцах — Салтыкове-Щедрине, Некрасове и других? С памятью великих русских писателей связано много зданий Москвы. Часть этих зданий уже снесена, могут быть уничтожены и остальные, если вы, прямые наследники, не позаботитесь хотя бы об установке мемориальных досок».

Быть может, товарищи, которым вельды надлежит, устыдиться если не помолком, перед которыми все мы в ответе, то хотя бы современниками, пишущих обо всех этих безобразиях «всей болью встревоженного сердца», как сказано в одном письме. Быть может, эти высокоответственные руководители учреждений и организаций вспомнят, как Ленин бесположился о том, что могилы Пеханова и Засуляк заброшены, как он просил Петроградский Совет проверить и просмотреть за ними.

Но дело не только в том, чтобы восстановить и оберегать дорогие всем нам памятники места и здания. Надо еще и пропагандировать их. До обидного мало у нас хороших путеводителей, брошюр, альбомов и книг, в которых рассказывалось бы о памятниках национального зодчества, о местах, где родился и жил деятель революционного движения и отечественной культуры.

Наши предшественники много потрудились для нас, и мы обязаны свято беречь их имена и дела, учиться у них любви к своему делу, в родной стране, воспитывать на этих примерах своих детей.

НА КНИЖНОЙ полке белорусского читателя появились шесть аккуратно изданных томов — собрание сочинений Кузьмы Чорного. Это — большое и отдаленное литературное событие. Произведения крупного белорусского писателя, одного из тех, кто велел за Якубом Коласом начать создавать белорусскую прозу, так полно издаются впервые.

белорусской прозы

М. ЛУЖАНИН

За 20 лет неутомимого литературного труда К. Чорный написал 15 романов, повестей, пьесы, выпустил 10 книг рассказов. Немало написано им очерков, фельетонов, статей и выступлений на разные темы. Большая часть этого богатого наследия и вошла в выпущенный Государственным издательством БССР шеститомный произведений писателя на белорусском языке. Сейчас уже нет нужды развешивать ставшие редкими издания, либо возмещать комплекты газет и журналов. Произведения К. Чорного как бы обрели новую жизнь, стали достоянием еще одного поколения читателей, выросшего в военные и послевоенные годы.

Кузьма Чорный (Н. К. Романовский) умер 44 лет, немало запущенного им осталось в набросках, незавершенным.

Читатель, познакомившись с собранием сочинений Чорного, многое узнает о пути, пройденном белорусским народом, и скажет: да, этот народ пережил все тяготы крепостного права, изнывал от безземелья, голода и батрачки, с боями добывая октябрьскую свободу, отстаивая социалистическое Отечество в гражданскую войну, строил колхозы, воюя за электрификацию на оскуренных болах, мужественно отражал фашистское нашествие, любилась победы.

У К. Чорного мы не найдем произведений, изображающих различные периоды народной жизни в их исторической последовательности. Писатель иначе понимал свою задачу: он видел ее в создании художественной истории характеров таких людей, в путях и судьбах которых наиболее полно отразились пути и судьбы народа. В этом и состоит историзм творчества Чорного: об этом говорил и сам писатель в своей «Автобиографии». Если у него и нет романа о жизни белорусов при крепостном праве, то ни биографии героев или их отцов связаны с тем страшным временем. Белорусские крестьяне, образы которых дает нам писатель, испытывали горечь подневольного труда на помещика; извешение они видели в клочке собственной земли, затем пережили крушение советнических иллюзий.

Крупным произведением у Чорного предшествовало несколько сборников рассказов. Этими рассказами и открывается первый том собрания сочинений. Здесь же помещен роман «Земля», в котором показана белорусская деревня начала 20-х годов, выступающая в поход против старого быта. Повести «Левон Бушмар», «Весна» и многие рассказы, вошедшие во второй том, развивают тему строительства колхозной деревни. Левон Бушмар, по имени которого названа повесть, — хищник кулак, блудливое своеобразие в самом отвратительном его проявлении. Новые люди белорусской деревни изгнали Бушмара из своей среды. Но Чорный, создавая этот образ, как бы предупреждал о живучести бушмарщины, темной и враждебной нам силы. В повести «Весна» передовые люди — Костусь, Микалай, Ильок — ведут борьбу за колхоз, преодолевая сопротивление кулачества.

Особое место среди произведений К. Чорного занимает роман «Третье поколение». Писатель правдиво рассказал в нем о трудной, длительной перестройке человеческого сознания, пораженного пережитками прошлого. Под влиянием советской действительности меняется психология героя романа Михаила Творинского. Роман убедительно показывает огромную преобразующую силу советского общества, рост новой жизни.

Любовь к родному народу, строящему новое общество, к стране, преобразя-

Большой мастер

Творчество К. Чорного гуманистично и жизнеутверждающе.

Он стремился осмыслить увиденное с позиций социалистического реализма. И ему удалось правдиво показать действительность, жизнь людей со всеми их горестями и радостями, их борьбу за победу нового.

В шестом томе сочинений К. Чорного собран публицистика. Здесь мы находим фельетоны периода Отечественной войны, высказывания о языке, литературе, о писателях. В частности, весьма интересна статья «Великий поэт белорусского народа», анализирующая поэму Якуба Коласа «Новая земля». Фельетоны военного времени, которые призывали народ к борьбе и победе, партизаны выпускали в качестве листовок.

Кузьма Чорный создал незабываемые образы, живящие правдивые характеры крестьян, рабочих, советских воинов и партизан, наших детей. Опираясь на практику мастеров старшего поколения — Я. Коласа, З. Бяуды, писатель обогатил белорусскую советскую литературу новыми жанрами — романом и повестью. К. Чорный умел писать ярко и просто. Под его пером оживали незаметные на первый взгляд, но неизменно привлекающие качества людей, картины родной природы. Белорусская речь звучала у него особенно душевно и напевно.

Располагая столь значительным литературным наследием К. Чорного, мы вправе ожидать глубокого изучения и серьезных оценок его творчества. До сих пор белорусская критика, рассматривая идейно-художественный рост К. Чорного, не учитывала влияния, которое оказывали на его творчество другие писатели. Это досадная оплошность. Влияние Максима Горького и современных советских писателей Л. Левова, В. Иванова на Чорного бесспорно. Второй оплошностью надо считать то, что творчество писателя не исследуется как нечто цельное и единое, а произвольно и механически членился на «ранний» и «поздний» периоды. Первому якобы присущи натурализм, пассивность, биологизм и прочие смертные грехи. Во втором, согласно утверждениям критиков, эти недостатки более или менее успешно преодолеваются. Затем делается неожиданный вывод о широких масштабах писателя, о большом значении его творчества для развития белорусской литературы. По такой примерно схеме написана и статья о Чорном в «Очерке истории белорусской советской литературы» (Москва, 1954), не отличающаяся ни знанием материала, ни четкостью построения и анализа. Сейчас не к чему повторять вульгаризаторские высказывания некоторых критиков 20-х годов, пытавшихся дать извращенное представление о творчестве писателя. Литературоведам следует заново и внимательно прочесть все, что написал К. Чорный, и серьезно разобраться, какую ценность представляют его труд, его вклад в белорусскую литературу.

Большой художник, крупнейший писатель белорусского языка, высоко ценит творчество К. Чорного, глубоко чувствующего и понимающего современность. Он писал о Чорном: «Литературное наследство этого так рано умершего художника заслуживает самого пристального внимания как со стороны литературной молодежи, так и со стороны зрелых писателей. У него есть чему поучиться, писатель умеет открыть новое звучание слова, умел выразить все, что волновало его, с большим искусством».

Издав шеститомник хорошо, Б. простиет редакторам, если не удастся избежать некоторых недочетов в оформлении собрания. В частности, не все главы пронумерованы, не всегда оправданы и удачны.

Остается пожелать, чтобы книги Кузьмы Чорного больше и чаще издавались на русском языке. Советский читатель, несомненно, с большим интересом встретит произведения замечательного белорусского романиста и рассказчика.

СТИХИ П. МАРКИША

К. МОСКВЕ

Первый съезд писателей СССР имел огромное значение для объединения поэтов и писателей всех литератур Советского Союза. С его трибуны выступили поэты, которых в первый раз видели в Москве, такие, например, как народный певец Дагестана Сулейман Стальский. Поэты познакомились друг с другом, узнавали о развитии национальной поэзии, о ее достижениях. В те же дни выступил от имени еврейских советских писателей поэт Фелер, рассказавший о состоявшемся первом в истории еврейской литературы всесоюзном совещании еврейских советских писателей. Среди видных мастеров он назвал имя Перца Маркиша. Он сказал: «Темпераментный, яркий Маркиш».

Стихи Маркиша были мне известны до съезда, но я, живущий постоянно в Ленинграде и бывавший в Москве наездами, не имел случая встретиться с ним. Когда я его увидел, он был уже известным поэтом, и стихи его имели свой, особенный стиль. В его стихах господствовал действительно яркий, темпераментный пафос. Большие образы, гражданское вдохновение, сильная интонация были характерны для его поэтической индивидуальности.

Пламенность его стихов чем-то напоминала творчество Египта Чаренца, прекрасного армянского поэта. В те времена пафосных стихов было много, и надо сознаться, они иногда представляли сплошное условных, громких строк, но в стихах Перца Маркиша чувствовалась поэтическая сила, настоящее высокое волнение.

Особенно это ощущалось в его стихотворениях времен Великой Отечественной войны, когда его и ярость против гитлеровцев, угрожающих уничтожением советской культуры, наполнили стихи Перца Маркиша новым содержанием.

Вот как говорил поэт о советских людях, о себе:

Я — только нарочный, Я — только их глашатай.
Мой долг — сплести не гнуть, быть стойким восточным,
Мой долг — ввязаться в вой и смерть попарно распаятой
И умереть опять, двукратно став живым!

Перевел М. ТАРЛОВСКИЙ

В последние годы войны я встречался с ним чаще, и он много говорил о поэзии и ее будущем. Конечно, наши стихи, поэтов двадцатых и тридцатых годов, не могли оставаться на одной черте, конечно, время изменило многое, но настоящее, глубокое строки и по временам не могут совсем исчезнуть, и, вставая перед глазами читателя через много лет, они звучат и впечатляют.

Мы не знаем, как бы сегодня писал Перец Маркиш, но несомненно, что он искал бы новые формы, новую образность для своего пафосного стиха. Маркиш известен, в первую очередь, как мастер эпического жанра. Но он создавал и прекрасную лирику, образцы которой публикуются сегодня в «Литературной газете». В этих стихах хорошо чувствуется поэтический почерк Перца Маркиша, своеобразный и яркий.

Николай ТИХОНОВ

РОСА

Взгляни, как поутру украшен голый сад
Росой мерцающей. Как в час восхода солнца
Кристаллы хрупкие на веточках висят,
Осколки, капельки, пылинки, волоконца!

Рассвет не устает алмазы шлифовать,
Дробить, соединять их с веткой золотом:
В траве и на небе такая благодать,
И щедрая земля смеется добротой.

Увечанный росой, смеется каждый куст,
И наш рассветный сад уже сплошная нить:
Он блещет и горит, как сотни тысяч звезд,
Как мириады ламп, опущенных с неба.

1948

Рассветный сад сравню с холодным хрусталем,
Он полон до краев, он запотев, как ваз,
Морозных огоньков не сосчитать на нем,
Он в этот ранний час наряднее алмаза.

К хрустальным капелькам прикинь поутру,
Они на каждый шаг отвечают званом новым,
И там, где листья медь шуршала на ветру,
Теперь любой алмаз рассветом отшлифован.

Перевел Александр ГОЛЕМБА

ОСЕНЬ

Там листья не шуршат в таинственной тревоге,
А, скрючившись, леги и дремлют на ветру,
Но вот один со сна ползает по дороге,
Как золотая мышь ищет свою нору.

И сад не сторожит — пусть входит, кто захочет,
Там выкрик, холод, дождь секущий и косяк,
И никого. Печаль одна здесь слышна точит,
Но вдруг жужжанье слух уловил мой.

Пчела спешит пешком по рыхлому песочку,
Тяжелым обручем пчелиный свит живот,
И так она ползет через пенек и через колючку,
Пока не голову в смляном не встает.

И крыльями своим врагу задирает криво,
Как зонтик сломанный, они тогда торчат,
И слышь уже слышно в жужжаньи торгашливом...
На свежую тишину переживает сад.

1948

Перевела Анна АХМАТОВА

Столбы мелькают, убегают под откос,
За провалами они в отчаянии свихнулись.
В какую Б сторону нас поведет ни унес,
Москва, мы встретимся. Поверь, мы не простились.

В глаза ты взглянешь нам — они току врыются,
И расставенье — пусть на миг — нас больно ранит.
Но птицы бодрость нам свою передают,
И свежесть в души нам вдыхает ветер ранний.

Ударит луч в глаза развешено порой,
И в проблеске зары взволнованно узнаю
Я с белорусского вокзала Кремль седой,
Как будто к небу на качелях я взлетаю.

Мне дорог каждый миг, и в блеске светлых слез
Глаза я прогляжу — твои мне звезды снились.
В какую Б сторону нас поведет ни унес,
Москва, мы встретимся. Поверь, мы не простились.

Перевел Григорий ЛЕВИН

1941

ПРОГУЛКА

Прогулку по Стральной случайно вспомнил я,
Примчалась стрелоза и на плечо мне села.
Я улыбнулся ей: — Откуда залетела,
Нежданная моя, внезапная моя!

В небесной синеве, глубокой, полутамной,
Спелит звезда к звезда — разлитые огнемом.
С лучистой спутницей по площади огромной
Я, как с невестой, иду в адуом.

Звездный зрачок встречает нас трамвай...
Куда ты полетишь, нежданная, ничья,
Куда направишь путь — летать не устала,
Мгновенья моя, внезапная моя!

Завороженные, не чувствуем, как поздно.
Стихают лица, и небо все темней,
Чуть слышимым шелестом бумаги папирусной
Трещат крыльями нечаянной мой.

Она взлетает как немолчаливая каплею
Крылатых гуслиеров: — Туда! За мной! В полет!
Там солнышко давно вечерний мбор пропелом,
Там одного тебя недостает.

1948.

Перевела Мария ПЕТРОВИХ

ЛЕТУЧАЯ МЫШЬ

Уже не ночь, еще не день,
И свет зари пока неведом,
И мышья летучая, как тень,
Влетает в щель меж тьмой
и светом.

Она проскальзывает в сон,
Она виденный из видений
Вдруг прощмыгнет за грень
времен
Зигзагом мимолетной тени.

Она торопится домой,
Порой она боится солнца.
Ее терзает свет прямой
Спящего, как медь,
оконца.

1947

Перевел Лев ОЗЕРОВ

УРЕКИ

Бегут они стремглав, расплескивая воду,
Выжили и хохоча и путая шаг,
А на берег эвбежам, дробь отбивают с ходу,
От холода дрожа, прекрасны и наги.

На пляску их, смеясь, глядит волна речная,
Вбирает их следы податливый песок,
У каждой под косою блестит, не просящая,
Кувшиник водных русалочий веноч.

Обсохнув, в тот же миг под гонимыми лучами
На мокрую траву бросаются ничком,
И, медленно строясь, журича под их ступнями,
Щебечат их волна энтузиастам холодком!

Сейчас они совсем девчонки-невежлички,
Подняв головки вверх, опустят их опять.
Девчонки дружно в такт взметнут свои косички,
Ногами брызги в такт им весело взбивать.

Уж не хотят ли реку придержать ногами,
Чтоб не ушла она, была поближе к ним!..
Взрывется их смех, заветит над берегами,
Пугая сонных птиц по взводам речным.

Девичий звонкий смех куда реки смежже,
Тонуть в его волнах, вновь обновляясь в них...
На целом свете нет мне их роднее —
Смешливых, загорелых, молодцы!

1948.

Перевел Сергей НАРОВЧАТОВ

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ

В «Калининской правде» опубликованы «Заметки о репертуаре областного театра драмы». Автор этих заметок Г. Астафьев выказал на страницах газеты некоторые, по меньшей мере новаторские, суждения. Сурово порицая театр за то, что «через некоторое время» после «Тани» А. Арбузова была поставлена пьеса В. Пистоленко «Любовь Ани Берекко», Г. Астафьев заявляет: «Эти пьесы написаны на одну тему и в значительной мере повторяют друг друга, судьба их героинь одинакова». В подтверждение этой мысли приводятся даже такой, случайно подслушанный автором, разговор двух девушек: — Скажи, Вера, «Любовь Ани Берекко» — хороший спектакль? — А ты смотрела «Таню»? — вопросом на вопрос отвела подруга. — Смотрела. — Тогда не ходи: одно и то же.

«Это — серьезный упрек театру» — уверяет Г. Астафьев и продолжает сравнивать совершенно несхожие пьесы, доказывая, что они во всем «совпадают». Оказывается, пьеса современного английского драматурга Фредерика Нотта «Телефонный звонок» (детектив, насыщенный, насколько можно, остроумием и музыкальностью, в чем нельзя не отдать должное хорейстеру Е. Педесу), о слабости отдельных исполнителей. И в том и в другом винить театр нельзя: найти хороших певцов для всех ответственных партий «Войны и мира» (а их очень много, особенно мужских) по плечу, пожалуй, только Большому театру. Хор и оркестр Ленинградцев, безусловно, стоило бы пополнить, в оркестре слишком мало струнных, и это плохо отражается на его звучности.

Но основной «ключ» к спектаклю, по моему мнению, театр нашел правильно. Режиссерский план спектакля (постановщик Б. Покровский, режиссер З. Закусова, режиссер-ассистент Н. Самосуд) продуман тщательно, интересно, с большим вниманием и любовью к музыке Прокофьева. Очень велика в верной интерпретации оперы заслуга дирижера Э. Грикурова — музыкальная «душа» всей постановки. Превосходные декорации по эскизам покойного художника В. Дмитриева, безупречные по ощущению стиля и колорита.

Среди исполнителей спектакля лучшие — Т. Лаврова (Наташа) и Ш. Шапошников (Андрей Болконский). Оба они отличные певцы и талантливые истолкователи своих ролей. И большинство других артистов, особенно О. Головина (Ахросимов), Н. Бутятин (Кутузов), В. Райков (старый князь Болконский), радуют верностью и жизненностью сценического образа. Но пение ряда артистов нередко ниже их игры. Между тем при всем своеобразии вокального стиля «Войны и мира» в этой опере есть что петь: она полна красивых, свежих, подлинно русских мелодий!

Ленинградский Малый оперный театр — пока еще единственный театр, поставивший «Войну и мир». Будем благодарны ему за живую, творческую инициативу, за то, что он не побоялся трудностей. Остается только пожелать, чтобы другие театры обратились к опере Прокофьева и, воплощая ее на сцене, развили достижения постановки Ленинградского Малого оперного театра.

М. САВИНИНА

Утверждая новое

НА ГАСТРОЛЯХ В МОСКВЕ

В искусстве есть разные дороги. Они пролегают по колеям, уже протоптанным поколениями предшественников: идти по ним надежнее и легче. Другие ведут по целине; трудные и тернистые тропинки могут намечать новые магистрали для будущего. Все они хороши, если хороша цель. Жизненная правда, нравственная красота и народность — девизом всех великих русских композиторов прошлого века. Но Иван Сусанин, Глинка, «Евгений Онегин» Чайковского и «Борис Годунов» Мусоргского — это все разные направления в русской опере в смысле жанра и содержания, в смысле отбора форм и средств музыкальной выразительности. Мусоргский, провозгласивший «К новым берегам!», всегда шел путем «наибольшего сопротивления», ломая оперные каноны. Однако его первооткрытие для нас стало бесспорной классической традицией. И все же, несмотря на уроки истории, мы часто незаметно для нового, непривычного, неохотно и незаинтересованно всматриваемся в него.

А «Война и мир» С. Прокофьева, показанная сейчас в Москве Ленинградским Малым оперным театром, содержит в себе немало непривычного. Начать с того, что герои этого произведения не поют обтекаемо-арифметических лирических или героических текстов, как это принято в опере; у них удобный и гибкое построение музыкального номера — ария, дуэт, ансамбль. Они поют, как люди говорят в жизни. Они беседуют и высказывают свои мысли вслух (уж эта-то условность неотделима вообще от театра — не только оперного) прозой, причем какой! Прозой Толстого, а ее своеобразной, подчас тяжелой «кладкой» Либереттиски (сам композитор и его жена — М. Мендельсон-Прокофьева) не боятся сугубо прозаических, трудных для пения оборотов речи, обидности слов. Кутузов в опере говорит: «А французы будут... у меня лошадиное мясо жарить». Эдлен Безухова: «Вчера мой брат обедал у меня и мы попирали со смеху...». Ахросимова о князе Болконском: «К. Паша — екатерининский великожа. Нравный старик, но патриот», и т. д.

В самом тексте, в оттенках слов, которые являются либо «пронизанными» рецитативом, заключено многообразие характеристика героев: их душевное склад и убеждения, характеристика событий, колорит эпохи. Мелодические контуры каждой фразы у

ровают индивидуальные нюансы речи. Оркестр «доказывает» углубляет эмоциональные переживания, живописует, обобщает основное настроение сцены. Только временем, как островки, возникают более или менее крупные вокальные формы — ария, дуэты или (в народно-героических картинах оперы) хоры, чтобы вновь раствориться в сквозном действии, в беседе-диалоге. Да, тем, кто привык ждать в опере броских, округлых, яственно выделенных песен и арий, слушать «Войну и мир» нелегко. Немного здесь таких номеров, которые могли бы быть «вынуты» из целой оперы и вести самостоятельную жизнь на концертной эстраде, в быту.

Но Прокофьев сознательно идет наперекор традициям «номерной» оперы. Такова его оперная эстетика, его художественное кредо — приблизить оперу к драме, по возможности отказатьшись от традиционной условности жанра, вдохнуть в него максимум жизненного правдоподобия. Где грань условности, неопределимой от самого существования оперы, где лежат еще не использованные ресурсы ее обновления, обогащения на реалистической основе? Проклятый рамок оперного жанра. В юности искания Прокофьева часто оборачивались неоправданным экспериментаторством, на них лежала печать заметного влияния западноевропейской модернизма. «Война и мир» создана художником в пору творческой зрелости. В ней воплощены наиболее плодотворные, реалистические устремления его таланта. Это Прокофьев творец величайшей русской оперы — кантаты «Александр Невский», балета «Ромео и Джульетта», Пятой и Сельмой симфоний.

«Война и мир» — последняя и лучшая из опер композитора. Он работал над ней фактически до последних дней своей жизни, хотя первая редакция оперы была закончена еще в 1942 году. Ни к одному из своих сочинений Прокофьев не возвращался так настойчиво, потому что ни одно из них он, пожалуй, не любил так сильно и вместе с тем так требовательно.

Опера по «Войне и миру» Толстого! Смелый, на первый взгляд даже парадоксальный выбор литературного источника. Ну как можно уложить в оперу гигантское историко-философское, психологическое и бытописательное содержание романа? Но

вспомним «Евгения Онегина»: Чайковский взял лишь драму Татьяны и создал гениальный оперный шедевр, вовсе не претендуя на охват всего, что заключено в романе Пушкина... Прокофьев сделал главной героиней Наташу Ростову, отбросив все многообразие сюжетных перипетий романа. Даже судьба Наташи не «прослежена» — оперо до начала до конца: она показана с момента встречи Наташи и Андрея Болконского в Отрадном, где зарождался их любовь, через разлуку и увлечение Наташи Анатолом Курганиным и до появления Наташи у постели умирающего от ран князя Андрея. Во второй половине оперы линия драма решительно заплывет событиями войны. На смену интимной лирике признаний и встреч на фоне быта дворянских особняков и блестящих балов приходит суровая историческая летопись: Бородинский бой, военный слух русского командования в Филах... Эпизод — апофеоз, провозглашающий победу над врагом, завершает оперу.

Во всем ли можно согласиться с либреттистами в смысле отбора материала из романа Толстого? Нет, не все представляется единственно правильным решением задачи. Пожалуй, слишком много места занял в опере эпизод увлечения Наташи пустым и пошлым Анатолом Курганиным; ведь не только юная порывистость, трепетная жажда жизни, счастья и любви живут в Наташе. Эта девушка способна на самоотверженные, сильные поступки, возмущающие нас своей редкой, воспринимая, как Наташа заставила родителей бросить все имущество, спасая раненых русских солдат! Такой Наташи нет в опере Прокофьева, хотя ее музыкальный и сценический облик исполнен чистоты, поэзии, трогательной романтичности чувств. Очень легко, «пунктирно» намечена связь событий в чередовании картин. Если допустимо предположить, что выдвинуто слушателю, неизвестному с содержанием романа, уловить логику действия ему будет трудно. Можно сказать также, что перелом от интимных переживаний Наташи к крупному, историческому «плану» совершается слишком круто, неподготовленно. Все это — узкие стороны драматургии произведения.

Оговоримся: тем, кто видел и слышал спектакль, показанный Ленинградским Малым оперным театром, трудно оставить исчерпывающее представление обо всем замысле Прокофьева. Композитор сочинил оперу в двух частях, рассчитанную на исполнение в два вечера. Для облегчения ее постановки на сцене он создал новый, дневной вариант, но при этом, естественно, пришлось сделать множество сокращений. Ушла великолепная по яркости картина ра-

зорной врагами Москвы, почти ничего не осталось от монументального финала — картины на Смоленской дороге... Безусловно, одновечерная редакция является более жизнеспособной. Но и в ней много было бы сделать некоторые изменения; например, за счет картины у Долохова (как таковой — очень удачной), но «стужающей» и без того разрознившийся эпизод с Анатолом, и без того разрознившийся эпизод с Анатолом, и без того разрознившийся эпизод с Анатолом.

Итак, в «Войне и мире» Сергея Прокофьева скрещиваются разные линии: лирико-психологическая и народно-героическая, интимная поэзия и патристическая эпоха. Обычно композитор выбирает только одну из этих линий либо она является преобладающей, определяя тип и жанр оперы. В «Войне и мире» признаки народно-героической эпохи и лирической драмы смешиваются, соединяются. По разному — это монументальная фреска, но отдельные фигуры выписаны в ней заботливо и тонко кистию портретиста-психолога. В этом — еще одна черта своеобразия «Войны и мира».

Наташа и князь Андрей, Пьер Безухов и Ахросимов, старик Болконский и Анатолий Курганин, Кутузов и его сподвижники-генералы, даже совсем эпизодические лица, как, например, лихой ямщик Балага или слуга в доме Болконских, — все они наделены индивидуальными музыкальными характеристиками (порой в нескольких репликах). «Война и мир» — многофигурное полотно. И нужно ли добавлять, что для такой оперы поистине необходим тот высший тип оперного артиста, за который ратовал Станиславский, тип певца-актера, музыкально чуткого, правдивого в декларациях и притом обладающего не меньшей сценической свободой, чем в драме! Только тогда, одна за другой, вырисовываются удивительные психологические и живописно-образные черты (потому что Прокофьев всегда очень внимателен к внешнему, зрительно-конкретному облику изображаемого) находки композитора.

Одну картину оперы хочется выделить особо — сцену болезни Андрея Болконского. В темной бедной деревенской избе лежит тяжело раненный Болконский; его сознание борется с мраком, с навязчивой слуховой галлюцинацией — невнимательный хор односторонне и глухо повторяет звучащий из лирико-романтического мотива напев «пи-ти, пи-ти, пи-ти». Эта сцена уникальна в оперной литературе по смелости, по необычайному редкости в опере, скромному лаконизму средств, по глубокой психологической правдивости.

ГИМН ТРУДУ И БОРЬБЕ

Недавно издательство Союза китайских писателей выпустило пять сборников лучших произведений последних лет: «Избранные рассказы» — один из этих сборников. Наряду с известными писателями в нем представлены и молодые рассказчики.

«Замечательной особенностью «Избранных рассказов», — пишет газета «Женьминьбао», — является то, что авторы их с подлинным вдохновением воспевают новую жизнь, победы передовых людей в труде и борьбе».

Писатели Цзянь Цин и Си Жун рассказывают, как меняются в китайской деревне отношения между людьми, рождаются новые обычаи и традиции. Хан Чжо, Лио Чунь и Го Шаоцун показывают новый облик молодежи народного Китая. Писатель Вэй Вэй создает убедительный образ рабочего, который после суровой внутренней борьбы преодолевает пережитки старого в своем сознании.

Гимном труду и борьбе называет китайская печать этот сборник избранных рассказов.

АНТИФАШИСТСКАЯ ПЬЕСА И ГОСПДАРПАРТАМЕНТ

В Нью-Йорке в театре «Корт» на Бродвее, с большим успехом шла пьеса «Дневник Анны Фрэнк», написанная Гудрич и Хеккетом по материалам дневника 15-летней девочки, погибшей в Амстердаме от рук фашистских захватчиков. Восемь человек скрываются на чердаке от гитлеровских окупантов. Проходят месяцы, иссякают силы у людей, но попрежнему живут в них любовь, мечта, надежда. Образы действующих лиц показаны так, как они воспринимаются глазами Анны Фрэнк, которая остается сильной и прекрасной и тогда, когда группа антифашистов обнаруживает гестапо. Несмотря на трагический финал, пьеса проникнута верой в торжество добра и света. Она кончается словами юной героини: «И все-таки я верю, что люди хорошие».

К исполнению 100-летия со дня рождения Бернарда Шоу Государственное издательство художественной литературы, музыки и искусства выпустило двухтомник избранных драматических произведений писателя. Сюда вошли как ранние одноактные пьесы и комедии Б. Шоу, так и драмы, принесшие им автору мировую известность. Оба тома иллюстрированы юмористическими рисунками чешского художника А. Гобайстера. Сегодня мы воспроизводим один из них.

Американские зрители и критика очень тепло встретили «Дневник Анны Фрэнк». Пьеса была приурочена ежегодной Пулитцеровской премии за лучшее драматическое произведение. Было решено показать спектакль нынешним летом в Париже. Но государственный департамент наложил запрет на эти планы.

Решение госдепартамента вызвало возмущение в Соединенных Штатах. Газета «Нью-Йорк таймс» поместила в свое издание негодующие письма читателей. «Неужели мы хотим показать миру, — пишет один из них, — что мы забыли, как игнорировали нацистами во время второй мировой войны элементарные нормы человеческого и цивилизованного поведения только потому, что ныне нацисты уже не наши враги?». Читатель из Чикаго с возмущением спрашивает: «Запрещая «Анну Фрэнк», уж не вырабатывает ли государственный департамент новую линию внешней политики? Политики, направленной на то, чтобы уничтожить память о второй мировой войне, Альфреде Гитлере и его невинных жертвах?».

«ВКУС ПЕПЛА»

Весной этого года французский поэт Робер Сабасть был удостоен премии Гиюма-Аполлинера за стихотворный сборник «Праздник

солнца». Теперь французские читатели познакомились с прозаическим произведением писателя. Сборник — роман «Вкус пепла». Главная героиня романа — рядовая французская женщина, сын которой погиб в гитлеровском концентрационном лагере во время второй мировой войны. После гибели сына мать отгораживается от жизни. Все ее чувства и мысли — об умершем. В этом она видит верность его памяти. Любое проявление обычных человеческих стремлений у ее близких мать принимает как предательство, как измену.

Откликнувшись на выход в свет книги Робера Сабасть, писатель Пьер Гамарра пишет в журнале «Эрп»: «Эту книгу можно назвать поэмой о жизни. Это хорошая, добрая книга, она заставляет читателя задуматься и уже не выходит из памяти. Она возмущает человека, — глубоко человеческая и исполненная гуманизма была и та великая битва, о которой вновь начинаешь вспоминать, прочитав эту книгу».

КНИЖНАЯ ПОЛКА ЗАРУБЕЖНЫХ НОВИНОК

«Маленький человек» на перепутье

Молодой механик Вальтер Фендрих получает от отца телеграмму с просьбой встретиться со змелчком Хедвиг Муллер, которая приезжает в большой город учиться. Вальтер встречает ее на вокзале, влюбляется с первого взгляда и добивается ответного чувства. Такой несложный сюжет последней повести талантливого западногерманского писателя Генриха Белля «Хлеб ранних лет». В этом надо добавить, что действие книги развернуто в течение одного лишь дня и что ни в судьбе главных героев повести, ни в судьбе второстепенных персонажей нет ничего исключительного. Любовь Вальтера и Хедвиг не осложнена никакими привходящими обстоятельствами. По буржуазным канонам Вальтер Фендрих — «выгодный» муж: он неплохо зарабатывает, имеет свою машину и даже небольшой счет в банке — «банковотто» — словечко, буквально означающее среднего обывателя на Западе. Одним словом, читатель, казалась бы, не остается ничего другого, как сказать влюбленной парочке традиционное в этих случаях напутствие — «совет да любовь».

И все же книгу закрываешь с тяжелым чувством. Нарочито простой, даже банальный сюжет «Хлеба ранних лет» резко подчеркивает контраст между обывательной, безмятежной жизнью героев и той внутренней опустошенностью, душевной шаткостью и сумятицей, которая так характерна для послевоенного поколения в Западной Германии.

Один из западногерманских критиков, без укоризны по адресу автора, предположил даже, что повесть Белля — своего рода пародия на гетевского «Вильгельма Мейстера». По мысли этого критика, Белль хотел показать, что процессы становления и формирования личности, на которые герои Гете попадали долгие годы и множеством «чрезвычайных происшествий», приспосабливаются к современному человеку с по-

3. Новая вспышка фанатичных антикоммунистических высказываний в кругу облеченных властью американских политических деятелей, разумеется, не случайна. Она связана с предвыборной кампанией в США, с рассмотрением военного бюджета конгрессом; она происходит на фоне все более явного стремления многих союзников США покончить с «холодной войной». Истеричные, грубые по форме, язвительные по содержанию дипломатические вежливости являются таких официальных лиц, как, например, вице-президент США Никсон, государственный секретарь Даллес или сенатор Ноуэлти, преследуют, таким образом, троякую цель. Во-первых, некоторые политические деятели хотят блеснуть своей идеологической «выдержанностью» и выслужиться перед магнатами капитала накануне выборов. Во-вторых, они стараются при помощи антикоммунистической, антисоветской истерии подстегнуть гонку вооружений. В-третьих, вышестоящие фанатики полагают, что лезвием по адресу Советского Союза поможет им убедить союзников США в необходимости продолжать «холодную войну».

Б. ЛЕОНТЬЕВ

Сомнительно, что американским реакционерам удастся достигнуть этих целей. Сейчас даже в Америке чувствуется дыхание свежее ветра. Там, как и в других странах Запада, люди начали понимать, что за проклятиями по адресу коммунизма скрывается покушение на их собственную свободу, на их право самостоятельно мыслить и говорить на их жизненный уровень.

Но нас в первую очередь интересует вопрос о внешнеполитической ценности подмены дипломатии грубой руганью. Может ли она дать тот эффект, на который явно рассчитана? Может ли она подорвать или ослабить ту стабильную ныне всеобщую тягу к мирному осуществлению двух систем, которой способствовали мудрые действия Советского Союза на международной арене?

Существование или война — вот выбор, который предложен жизнью всем государствам. Ответ не вызывает сомнений. Народы отвергают войну.

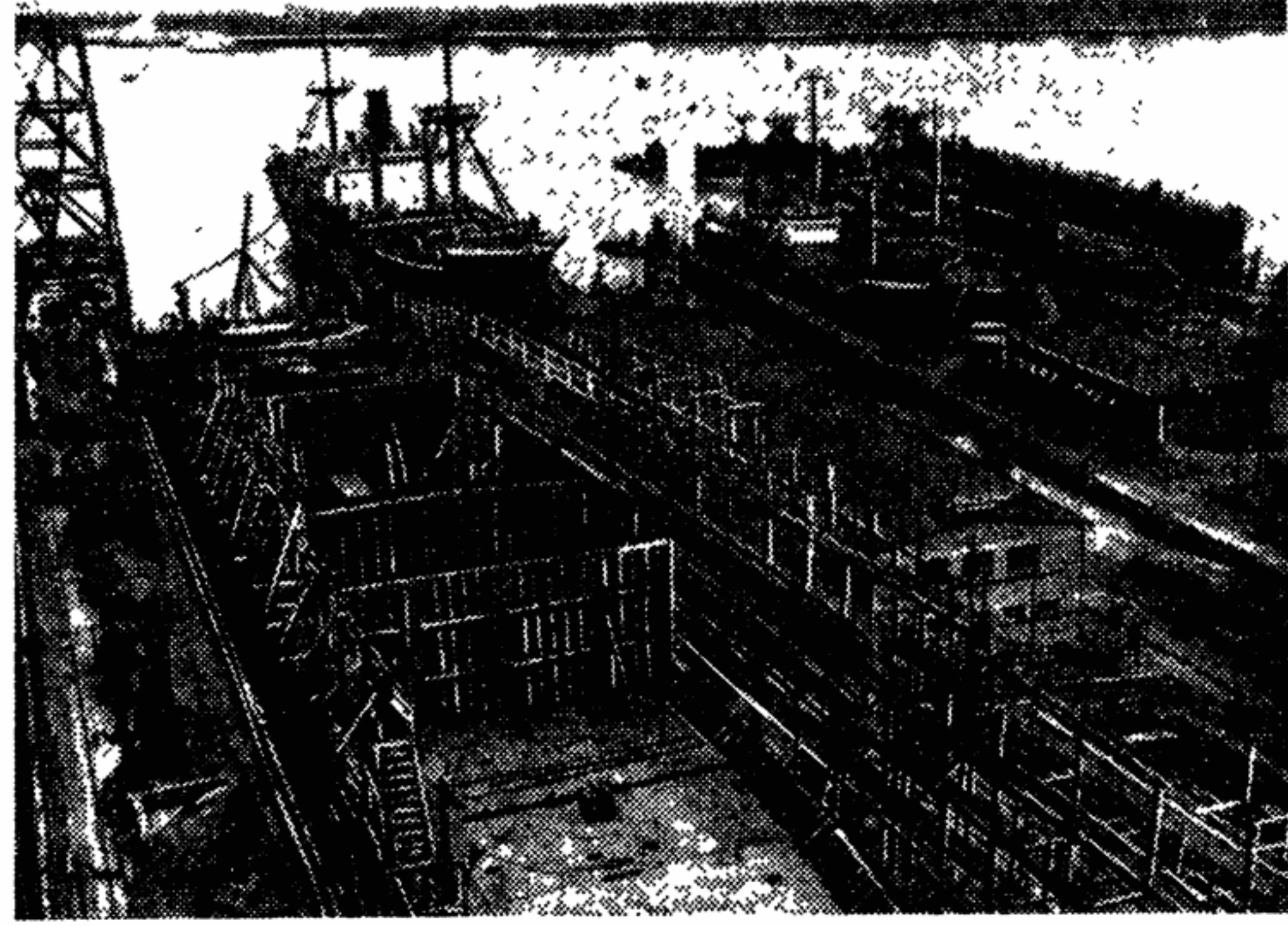
Противники мирного осуществления хотят «доказать» недоказуемое: система социализма настолько якобы плоха, что ее просто нельзя терпеть на земном шаре. А для этой цели — «все средства хороши».

Первый метод — самая простая подделка. Оусуществляется она всегда по одному рецепту. После войны, когда Советский Союз еще не оправился от тяжелых потерь и разрушений, реакционная печать истинно вопляла: смотрите, каков этот коммунизм, при нем люди страдают от недостатка жилья и многих необходимых вещей. Разоренная фашистами Польша строит заново уничтоженную врагами столицу, создает передовую индустрию, уже обогнала по промышленному производству многие страны Запада: что же, это тоже полыхающий случай проклятия о точности... По этому же рецепту можно болтать об испытаниях, выпавших на долю Китая, хотя во многих из них повинна американская блокада, о «бедности» городов Северного Вьетнама, частично разграбленных колонизаторами перед их вынужденным бегством...

Второй метод столь же несложен. Строительство коммунизма требует суровой и смелой борьбы с недостатками, критики и самокритики, находчивости и смелости в советской печати. Это — критика противника существования и выдают за свою собственную.

Пропагандисты «холодной войны» стараются нажить капитал на ликвидации культа личности и его последствии. Не ждите от них серьезного обсуждения или анализа решений XX

• Окончание. Начало см. «Литературная газета» №№ 81 и 82.

Советский и немецкий народы приветствуют результаты переговоров между Правительственными делегациями СССР и Германской Демократической Республики. Ожиданным патристическим подъемом, немецкий народ проделал за истекшие годы гигантскую работу по восстановлению разрушенного войной хозяйства. Рабочие и крестьяне ГДР живут напряженной трудовой жизнью, на дорогах застройки, одержанные на пути социалистического строительства.

В заявлении о результатах переговоров говорится: «Успехи, достигнутые ГДР в развитии своего народного хозяйства, и братская поддержка, оказываемая Республикой Советским Союзом и странами народной демократии, дают трудящимся ГДР возможность сделать новый крупный шаг по пути строительства социализма, экономического подъема страны и дальнейшего повышения народного благосостояния».

На снимке: вид на долину судостроительной верфи «Нартуп» в городе Росток, где ремонтируются и строятся торговые суда.

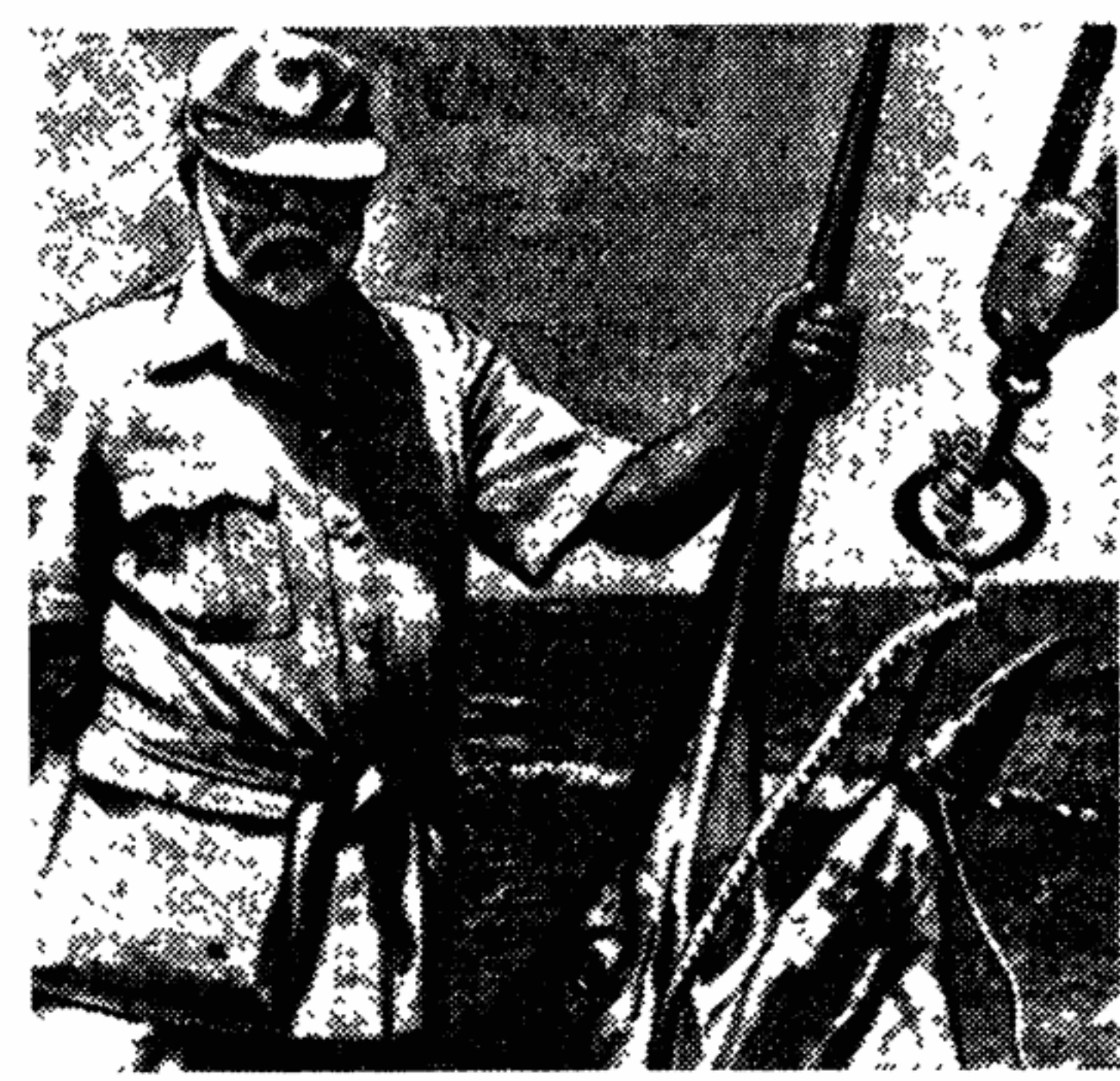
Однако, на наш взгляд, истоки творчества Белля надо искать не в современной американской литературе, а в немецкой литературе эпохи Веймарской республики, в творчестве таких писателей, как Томас и Генрих Манны, Ремарк и другие. Герой романов, повестей и рассказов Белля — это «маленький человек» XX века, тот самый «маленький человек», которого так блистательно ввели в литературу Ганс Фаллада и другие крупные писатели Германии, начавшие свой творческий путь после первой мировой войны. «Маленький человек», заблудившийся в лабиринте «водного» буржуазного общества и все же не растерявший последних крох человечности, «маленький человек», согнутый в дугу капиталистическими порядками и все же сохранявший и чувство собственного достоинства, и доброту, и благородство, страстно ненавидящий войну и власть денег. Разница лишь в том, что герои Белля действуют в иную историческую эпоху — в первое десятилетие после разгрома фашизма — и, быть может, сами того не сознавая, обогащены в силу этого новым горьким опытом.

В одном из лучших романов Белля «...и не сказал ни одного слова» есть небольшая сценка, которая может, в известном смысле, считаться символической. В каморке, где ютится семья героя этого романа телеграфиста Фреда Богнера, ругаются стены. Каждый день от них отламываются большие куски штукатурки, и каждый день жена Фреда Кате отбивает впадающую в доску пола грязь и известковую пыль... Наполняя ведро водой, она

смотрит в маленькое зеркало, укрепленное над вухонной раковиной... И в эти краткие минуты Кате видит очень многое. Она видит свое измученное лицо и видит лицо своего мужа, ставшее неузнаваемо старым, «сожранное жизнью», наконец, она видит лица сотен тысяч женщин-тружениц, изо дня в день борющихся с нуждой, «желтых, черных, коричневых», видит «горькие лица своих белых сестер в наемных, похожих на казармы, домах Лондона, Нью-Йорка и Берлина, в темных узелках парижских улиц»...

Очень тонкая грань отделяет Кате Богнер и ее мужа от «бедных», от «дна» общества. Неравный поединок Кате Богнер с ругающимися стенами ее домашнего мира — символ незаметной, но постоянной героической борьбы...

Однако не только нужда растлевает «маленького человека» на Западе. В повести «Хлеб ранних лет», как мы уже говорили, герой — сравнительно обеспеченный человек. Ему не грозит безработица (по крайней мере, не грозит в ближайшие месяцы), жизнь его налажена и устроена. «Птица феникс» коснулась и его своего крылом. В отличие от персонажей ранних романов и рассказов Белля — людей с незажившими ранами, с душевными травмами, потерявшими и свои лучшие годы и своих близких в масуробе фашистской войны, — Вальтер Фендрих находится в явно привилегированном положении хотя бы из-за того, что ему всего лишь 25 лет и вся его сознательная жизнь началась после разгрома гитлеровского «рейха». Да и сам Фендрих считает свою жизнь «вполне сносною». Но все это до поры до времени, до того мартовского понедельника 1955 года, когда Фендрих встретился с Хедвиг Муллер.

Близ берегов Кубы — там, где происходит действие повести Хемингуэя «Старик и море», — снимается цветной художественный фильм, сценарий которого создан по этой книге писателя. Роль старика играет известный американский актер Спенсер Трейси. Режиссер фильма — Фред Зиннман. Для подводных съемок, как сообщает газета «Нью-Йорк геральд трибюн», фирма «Юрнер Бразерс», снимающая фильм, изготовила специальный двухтонный металлический колокол. Автор повести тоже принимает участие в создании кинофильма: он занял ловлей рыбы, которая необходима для съемок. На снимке: Хемингуэй и пойманная им рыба-меч. Она весила «только» 350 кг — меньше, чем та, которую поймал старик — герой повести.

НОВЫЙ РОМАН А. КРОНИНА

За четверть века своей литературной деятельности Арчибалд Кроули написал 11 романов. Советскому читателю известны его ранние произведения — «Звезды смотрят вниз» и «Штадель». Недавно в Соединенных Штатах, где теперь живет писатель, вышел его новый роман «Образцы красоты».

Автор рассказывает о жизни Стефана Десмонда, потомка старинной английской семьи, все члены которой в течение нескольких поколений являлись служителями англиканской церкви. Такая же роль была уготована и молодому Десмонду. Однако он прорывает с семьей и отправляется в Париж, чтобы стать художником. После скитаний по странам Европы он возвращается в свой городок в Англии (действие романа происходит до и после первой мировой войны). Местные власти преследуют художника и привлекают его к суду за изображение людей «в непристойном» виде. Десмонд покидает родной городок и поселяется в сельном квартале Лондона, где к нему, наконец, приходит признание. Но слишком поздно: он умирает от туберкулеза.

Американская критика дает противоречивые оценки новому роману А. Кроули. По мнению журнала «Таймс», «Образцы красоты» принадлежат к лучшим произведениям писателя.

Критик Джек Барух также считает новый роман Кроули «самым волнующим романом нынешнего года».

Другие критики, как, например, Орвилл Прескотт

КНИГА ГОРЬКОГО В ИНДОНЕЗИИ

«Важное событие. «Мать» Горького на индонезийском языке — под таким заголовком газета «Хариан ракьят», издающаяся в Джакарте, сообщает о выходе в свет книги великого русского писателя в индонезийском переводе.

Книгу выпускает издательство «Лембаруан». На индонезийский язык «Мать» Горького перевел популярный в Индонезии писатель Прамуляна Ананта Тур. Оформлена книга известным художником Басуки Ресобово.

Внезапно родившееся чувство, словно вспышка молнии, освещает всю прошлую и настоящую жизнь механика по ремонту стиральных машин Вальтера Фендриха. И при свете этой молнии Фендрих видит бессмысленность, пустоту и ничтожность своего существования. В чьей он мучился долгие годы, пока не «выбился в люди»? Зачем голодал, обманывал и даже крал? Зачем выбивал из сил, работая по 14—15 часов в сутки? В чем вообще смысл его жизни? Моги, руки, весь человек в мире торгашей «оценены». «Я сам имею сейчас пену», — говорит Вальтер, — все оценено: моя рука, технические знания, мой опыт, мое любовное обращение с клиентками... Все мною благополучно Фендриха сводится к тому, что он получил возможность работать 12 часов, спать восемь часов и иметь свободных четыре часа для встреч с нелюбимой девушкой — дочерью хозяина Улай, которая может в дальнейшем принести ему в приданое небольшой заводик и лавочку... Но разве все это может заполнить жизнь молодого, полного сил человека? Разве это может явиться наградой за годы лишений и страданий? Разве серое, будничное существование, лишненное цели, идеалов и надежд, может удовлетворить потребности людей, выросшие после крушения фашистской империи? Жизнь, которую Фендрих вел до встречи с Хедвиг, кажется ему в минуту прозрения «адам»...

Здесь мы снова вынуждены вернуться к более раннему роману Генриха Белля «...и не сказал ни одного слова», где эти же мысли сформулированы еще более отчетливо. Думаю о будущем, герой этого романа вспоминает о своих детях... Что же ждет этих мальчиков с худенькими плечиками? «Я видел своих детей», — говорит Фред Богнер, — запрыгавших в смертельную круг жизни, который начинается тогда, когда они впервые уплывают на свой ранец, и кончается где-нибудь за столом в конторе...».

Мысли Фендриха и Богнера подводят нас к одному очень важному моменту в творчестве Генриха Белля, как, впрочем, и в творчестве некоторых других молодых писателей на Западе. Герои Белля утратили даже те крохи иллюзий, которые еще сохраняли их литературные предшественники. Где-то в самой глубине души «маленького человека» 20-х годов еще теплилась надежда, что его горести — это только цепь роковых случайностей, цепь личных неудач. «Маленькие люди» 20-х годов еще верили, что после тяжелой послевоенной разрухи и инфляции капиталистическое общество даст им возможность жить разумно и счастливо. Герои Белля, напротив, сознают, что их конфликт с обществом — не временное, а постоянное явление. Они не в силах уверовать в стабильность покоя и бюргерского счастья в мире, где царствует чистота, где готовятся и развязываются все более кровопролитные войны.

Механик Вальтер Фендрих потерял веру в возможность «вполне сносно» буржуазного существования. Он, так же как другие герои Белля, не дал зарожиться себя иллюзий «прощтания», сказками об «экономическом чуде», «Смертельный круг жизни», в который вращен «маленький человек» в послевоенной Западной Германии, отнюдь не прорван. Это Генрих Белль создал в своей новой повести совершенно отчетливо.

«В свое время Ганс Фаллада так озаглавив свой лучший роман: «Маленький человек, что же дальше?». В книгах Белля звучит тот же страстный и настойчивый вопрос. Так же как и после первой мировой войны, «маленький человек» на западе Германии оказался на распутье. Куда он пойдет, в чем найдет выход? В наши дни перед миллионами трудящихся Европы лежит правильный и ясный путь — путь борьбы за мир и прогресс. Выведет ли Белль своих героев на этот путь, покажет время.

ПОПРАВКА

В статье В. Пухачева «Каскад на Оби» («Литературная газета» № 84 от 17 июля) последний абзац второй колонки следует читать: «Обеде море раскинулось так, где недавно были города и села. Сорочьи стайки стронны переносится из старых населенных пунктов на новые места».

Главный редактор В. КОЧЕТОВ. Редакционная коллегия: Г. ГУЛИА, П. КАРЕЛИН, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, К. ПАУСТОВСКИЙ, Н. ПОГОДИН, С. СМРНОВ.